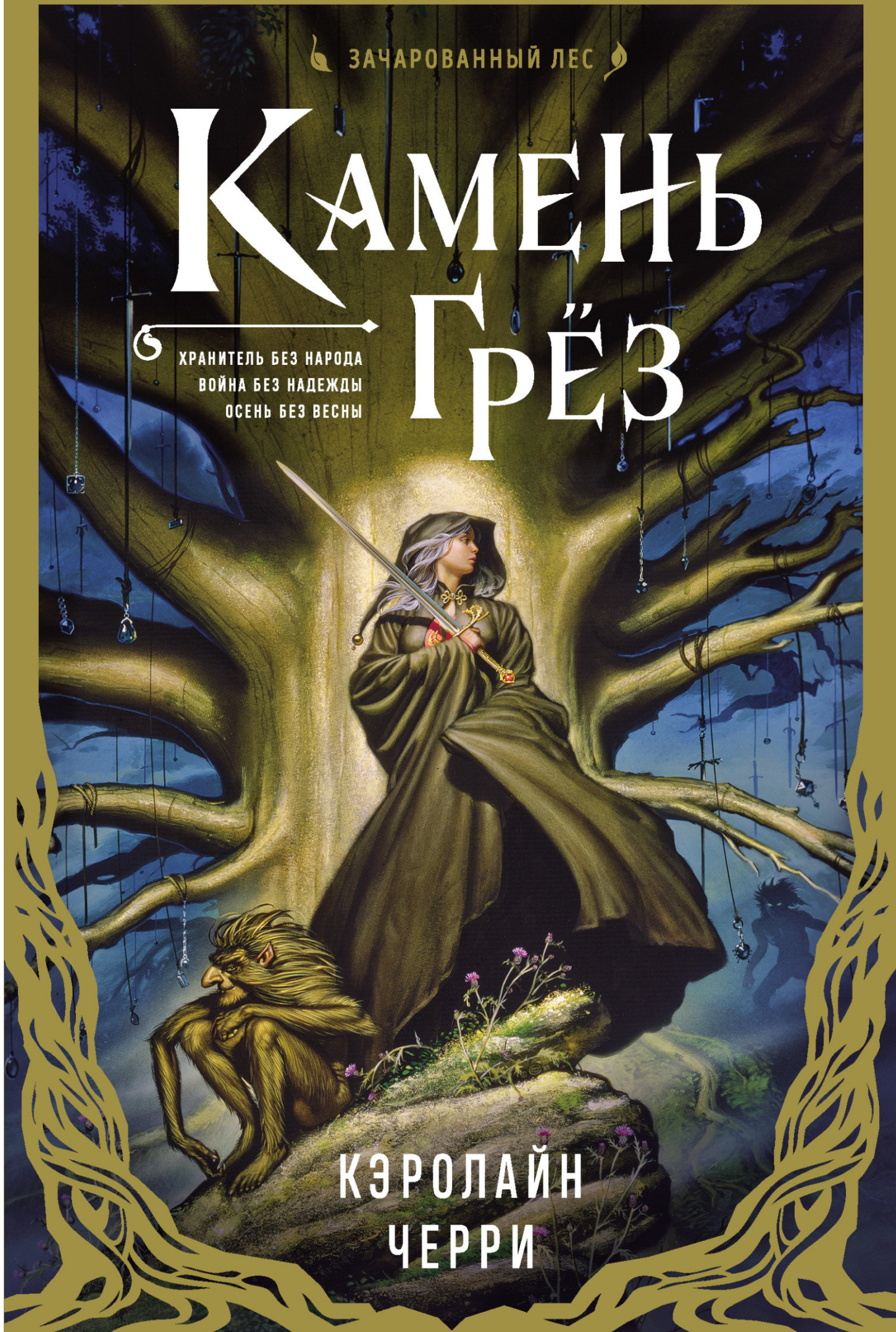

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЛЕС

КАМЕНЬ Грёз

ХРАНИТЕЛЬ БЕЗ НАРОДА
ВОЙНА БЕЗ НАДЕЖДЫ
ОСЕНЬ БЕЗ ВЕСНЫ

КЭРОЛАЙН
ЧЕРРИ

Арафель

Кэролайн Черри

Камень Грёз

«ЭКСМО»

1983

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Черри К. Д.

Камень Грёз / К. Д. Черри — «Эксмо», 1983 — (Арафель)

ISBN 978-5-04-175643-7

Классическое фэнтези от признанного грандмастера «Небьюлы», обладательницы премий «Хьюго», «Локус» и «Прометей» — Кэролайн Черри. История фэйри, какой она должна быть, — похожая на старый миф, полная невыразимой красоты и печали. Баллада в прозе о нескольких поколениях людей, чьи владения расположены рядом с зачарованным лесом, что причиняет многие тревоги, но может помочь тем, чьи сердца остаются чистыми. Потрясающий колорит и атмосферу оценят по достоинству настоящие мечтатели. Волшебство утекает из мира. Таков неумолимый закон времени и воля Человека, повелевающего огнем и железом. Дикой, первозданной, архаичной магии почти нигде не осталось места. Есть только Элдвуд, небольшой лес, мрачный, но гордый, скрывающий от незваных гостей чудеса в своем сердце, куда почти невозможно добраться. Есть только Элдвуд и его бессменный страж в невзрачном сером плаще, последняя из народа высших Ши. Есть только Элдвуд и пронзительная история тоски по утраянному и света, что не угасает вопреки всему. «Посетите сокровенный мир; пускай его раздирает война, но, влекомые волной авторского замысла, мы увидим в нем много прекрасного. Это конец магии в мире людей, конец эльфов, и это печально, но так суждено». — The Rambles

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-175643-7

© Черри К. Д., 1983

© Эксмо, 1983

Содержание

Книга первая. Камень Грёз	7
I. О рыбе и костре	7
II. Хутор Барка	12
III. Арфист	19
IV. Травля	27
V. Охотник	34
VI. Выступление в путь	41
VII. Мера	46
VIII. Удача Нэаля Кервалена	52
IX. Лето и встречи	58
X. Бранвин	63
XI. Дун-на-Хейвин	67
XII. Дела Кирана Калана	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Кэролайн Черри Камень Грёз

C. J. Cherryh
The Dreaming Tree

© 1997 by C. J. Cherryh

© М. Ланина, перевод на русский язык. Наследники, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Книга первая. Камень Грёз

І. О рыбе и костре

Многое в мире, из того что куда старше человечества, никогда не испытывало симпатии к человеку; так что, когда раса людей была моложе, а леса – протяженнее, немало оставалось мест на свете, где человек мог ощущать на своих плечах всю тяжесть времени. Деревья там высились с таким непоколебимым покоем, что человек начинал слышать дыхание жизни, не принадлежащей ему. Ручьи там не лишились еще своего волшебства, вершины гор звучали на разные голоса, а временами налетавший ветер ерошил волосы и касался затылка, порождая такие предчувствия, что человек не осмеливался оглянуться.

Но звуки человеческого существования становились все более настойчивыми, посягательства на жизненное пространство все более уверенными. А с людьми явилась и смерть, знание о добре и зле – это было мощное оружие, благородное, но в то же время и слепое.

Звенели топоры. Люди строили дома, выкорчевывали валуны, валили деревья, распахи-вали поля там, где испокон веку стояли леса; они приводили с собой блеющие отары, охраняе-мые псами, которые позабыли, что когда-то они были волками. Человек менял все, к чему при-касался. Он завораживал зверей, делая их бестолковыми и послушными. Он принес в долины огонь и вонь дыма. Он искажил ландшафт холмов, проложив борозды и межевые границы. Самое главное – люди принесли с собой леденящий холод металла, чтобы смести с лица земли древние тени.

Но человек принес с собой и свет. Это было неизбежно, ибо свет необходим, когда про-тивостоишь тьме. Люди громоздили камни на камни, утепляя свои жилища, и приручали роб-ких, незлобивых тварей. Тем временем истинные порождения мрака уходили в глубь лесов, а создания света покидали эти места с разбитым сердцем.

За исключением тех, кто отличался невероятным терпением или непомерной гордыней.

Таким образом, во всем мире осталось одно девственное место – небольшой лес непо-далеку от моря и поблизости от людских поселений, где время текло по-старому, не так, как везде.

Давным-давно этот лес лишился былой своей прелести и обаяния. Под покровом папо-ротника его душили шипы и колючки. Мертвые упавшие деревья образовывали завалы, так как ни один дровосек не рисковал заходить в этот лес. Даже днем это место казалось гиблым. Ночью же оно казалось еще страшнее, и люди никогда не разводили костров вблизи тех веко-вых стволов. Здесь раздавались шепотки, и деревья что-то бормотали, колеблемые ветром, – а может, и не ветром. Люди знали, что это место старо, как мир, и не могли найти с ним общего языка.

Но однажды ночью в лес вошел усталый человек. Ему довелось пережить столько ужаса и побывать в таких переделках, что скромный костерок для приготовления пищи казался ему небольшим риском – всего-то пара веток, чтобы получить немного горячей еды.

Целых пять лет он провел на берегах реки Керберн и на окраинах этого леса. Если в округе и были разбойники, он знал их всех по именам. А если здесь подстерегали другие опас-ности, то прежде ему не приходилось с ними встречаться, так что и в эту ночь, и во все предше-ствовавшие он не боялся их, двигаясь под мощными древними деревьями и слушая шелест и шепот листьев. Он развел костер, поджарил на нем рыбу и съел ее, что показалось ему настоя-щим пиршеством после нескольких дней голода. Он снова почувствовал себя как дома, ничто

вокруг ему не угрожало, и он уже предвкушал отдых на постели из листьев, где вряд ли его сможет найти какой-либо двуногий враг.

Но Арафель заметила его.

Вообще ее мало интересовали дела человеческие. Течение ее времени и образ жизни слишком отличались от людских, но этого человека она уже видела ранее, когда он мелькал на границе ее леса. Он был проворен и не портил ее владений, он был осторожен, и его нелегко было уязвить: такой человек ничем не нарушал покоя Арафели.

Но этой ночью он выловил рыбу из вод Керберна и разжег костер под вековым дубом. Это было уже слишком.

И она пришла. Некоторое время она незаметно стояла под сенью дубов в своем сером плаще с капюшоном. Человек покончил с рыбой, бросив в костер лишь ее обглоданный костяк, и теперь стоял на коленях, грея руки над крохотным язычком пламени и грудой угольев. У него были обветренные грубые черты лица, а волосы подернуты сединой – сухощавый усталый человек, пахнувший железом, ибо рядом с его коленом лежал меч. Направляясь к нему, она готова была дать волю своему гневу, но он сидел так тихо и робко для такого большого человека, так жалостно льнул к теплу, окруженному великим мраком леса, что она лишь удивилась – откуда он взялся и зачем рискует столь многим во имя столь малого? Но ее опередили. Вокруг его костерка мелькали и в негодовании шипели тени. Однако, похоже, он не замечал их, оставаясь глухим к их ропоту и глядя лишь на свой драгоценный огонь.

– Тебе бы следовало быть поосторожнее, – сказала она.

Одним движением он схватил свой длинный меч и поднялся на одно колено.

– Нет, – тихо добавила она, двигаясь ему навстречу. – Нет, я здесь одна. Я увидела твой костер.

Меч так и остался наполовину обнаженным. До этого самого мгновения человек ничего не слышал и не замечал. В чаще мелькнула серая фигура, словно луч лунного света, настолько смутная, что он вполне мог ее не заметить, ослепленный пламенем, но чтобы его так подвел слух?!

– Кто ты? – спросил он. – Ты, наверное, будешь из Ан Бега?

– Нет. Я живу здесь. Я редко выхожу отсюда. Убери свой меч.

Он был сбит с толку, а такое с ним редко случалось. Он не понимал, почему продолжает сидеть, когда нужно подняться с мечом в руке, но после первых же слов незнакомки он словно лишился силы воли. Голос звучал ровно и спокойно. Он никак не мог различить его тембр или определить возраст его владелицы, не удавалось ему и разглядеть фигуру в темноте, однако он механически вернул меч в ножны. Руки у него похолодели.

– Пристраивайся, если хочешь, – сказал он, указывая на огонь. – По крайней мере, тепло. А если тебе нужна еда, поймай себе рыбы. Я уже съел всю, что у меня была.

– Я не нуждаюсь в пище. – Незнакомка приблизилась так бесшумно, что ни единый лист не шелхнулся, и устроилась с краю прогалины на поваленном дереве, которое заслоняло костер от ветра. – Как будет твое имя?

– Сначала скажи мне свое, – ответил он.

– У меня много имен.

Мало-помалу холод земли проникал в человека все глубже, а язычок огня уменьшился и стал совсем тусклым.

– И каким же будет хоть одно из них? – спросил он, потому что он был из тех людей, которым на все вопросы нужны ответы, даже если последние не сулят им ничего хорошего.

– Я замечала, как ты появлялся здесь и ходил в моей округе. – Ответ прозвучал так тихо и безмятежно, что его с легкостью мог заглушить шелест листьев. – И не я одна видела тебя, знаешь ли ты это? До сегодняшней ночи твоя поступь всегда была мягкой и неслышной; но

сегодня ты обосновался здесь – неужто ты намерен остаться? Нет, не думаю. Ты не настолько глуп.

Она различала суровые черты его лица. Когда-то оно было красивым, но годы и шрамы оставили на нем свои следы, его отшлифовали солнце и ветер, и теперь оно вполне подходило его телу, спутанным волосам, лохмотьям одежды и темному безнадежному взгляду. Какой же она сама была в его глазах, Арафель не знала: чаще всего люди видят то, что хотят увидеть. Возможно, она казалась ему каким-нибудь изгоем вроде него самого или воином в доспехах оттуда, из-за реки. Его рука так и не отпустила рукоять меча.

– Зачем ты пришел? – наконец спросила она.

– Ищу убежища.

– Что? В моем лесу?

– Тогда я уйду из твоего леса настолько быстро, насколько смогу.

– За пределами этого круга тебя поджидает опасность – нет, тебе не стоит сейчас трогаться с места. Но за рыбу и костер надо платить. Что ты можешь предложить мне за них?

Он ничего не ответил. А она не знала, есть ли у него еще какое-нибудь добро, кроме меча. Меч же он не предложил.

– Так что же? Ничего? – спросила она.

– А что ты хочешь? – поинтересовался он.

– Правду. За рыбу и костер расскажи мне честно, что ты делаешь в моем лесу.

– Я выживаю.

– Не больше не меньше? Думаю, это нелегко. Ты окружен печалью, человек. Сопутствует ли когда тебе радость?

Это была приманка. Человек почувствовал это и ощутил, как на него навалилась усталость, тяжелая дремота. Но сон таил в себе опасность, и это он тоже знал. Он воткнул острие ножен в землю и тяжело облокотился на перекрестие меча, глядя на незнакомку, пытаясь повнимательнее в нее всмотреться, но чем пристальнее он смотрел, тем более смутными становились очертания собеседницы. А складки плаща то и дело отбрасывали блуждающие тени, еще сильнее мешая различать детали. Он не сомневался, что повстречал кого-то из эльфийского народа, несмотря на все тени, лунные лучи и то, что отказывались видеть его глаза. Никогда в жизни он не думал, что ему доведется повстречать такое существо – он всегда был слишком занят своими собственными делами, но теперь он осознавал всю опасность этой встречи, вспоминая, как жестоки и беспощадны эльфы с теми, кто вторгается в их владения, как легко стать жертвой их темных чар. И возможно, именно чары были причиной того, что он не испытывал никакой неловкости с этой незнакомкой, он был готов рассказать ей все, как ближайшему другу в последний день жизни.

– Я приходил сюда иногда, – сказал он. – Мне казалось, что здесь безопасно. Я не привел за собой врага. Ан Бег никогда бы не последовал сюда.

– Почему они охотятся за тобой?

– Я – воин короля.

– А они в ссоре с этим королем?

Голос звучал совершенно невинно и искренне, как у ребенка. Время ринулось вспять для него, и он еще тяжелее оперся на перекрестие своего меча, чувствуя боль во всех суставах.

– В ссоре, да, – рассмеялся он. – Они убили короля в Эшфорде, сожгли Дун-на-Хейвин... так что теперь вообще нет короля. Уже пять лет. – Голос его стал хриплым. Он не понимал, как случившееся не потрясло мир, но существо, сидевшее перед ним, осталось невозмутимым.

– Войны людей. Они ничего для меня не значат. Рыба значит больше. Убийство рыбы затрагивает мои владения.

По спине человека пробежал холодок, но горе, всплывшее в памяти, приглушило его.

– Это так, но ведь я заплатил тебе за нее правдой.

– Да, я назвала эту цену. А теперь я дам тебе один совет: не приходи больше сюда. – Пепельно-серая на фоне мрака тень поднялась. – На этот раз я провожу тебя к реке, но только на этот.

Человек оперся о меч и поднялся на ноги, как будто из последних сил – возможно, так оно и было. Он стоял, ссутулившись и повесив голову, но вскоре выпрямился и, расправив плечи, указал в противоположную сторону.

– Позволь мне пройти вдоль берега с милю вниз по реке – тогда я смогу улизнуть от своих врагов. Я буду идти как можно быстрее.

– Нет. Ты должен уйти тем же путем, что и пришел, и сделать это сейчас же.

– Ну что же, – сказал он и склонился, покорно погасил свой костер и взял в руки меч, хотя в глазах его не теплилось уже никакой надежды. – Меня ждут там мои враги, и, кто бы ты ни была, я пойду туда, если у меня нет выбора. И все же я прошу тебя еще раз – позволь мне пройти вдоль берега. Я всегда был добрым соседом этому лесу. Я никогда не входил в него с топором. И сейчас я прошу твоей милости. Ведь это такая мелочь.

Она задумалась – речь его была так тиха и так решительна. Она чуть было не отступила, вознамерившись отдать этого человека тьме и ночи. Но в нем не было темного гнева, от него веяло лишь печалью когда-то отважного воина. Он был как старый олень, загнанный хищниками, как упавший орел, как побежденный волк. Она заколебалась, и сердце напомнило ей об одном местечке, единственном, где ей удалось познать тепло среди людей.

– Я укажу тебе путь, – мягко промолвила она, – и провожу тебя – это место лежит далеко в холмах, и оно не так опасно, как мои владения. Но ты должен будешь идти за мной шаг в шаг, не отставая, ибо Смерть была совсем рядом с тобой сегодня ночью. Она умеет подкрадываться гораздо бесшумнее любого человека. Нет, не оглядывайся. Пойдем, пойдем, убери свой меч и следуй за мной.

И снова человек убрал меч в ножны и даже не почувствовал, как сделал это. Он двинулся в путь, как когда-то шел в кровавый Эшфорд, спускаясь с холмов. Он помнил, как отводил ветви от лица, потом, пройдя уже значительное расстояние, он понял, что путь стирается из его памяти, а затем его и вовсе поглотило забвение. Он обладал навыками лесной жизни, и никому бы не удалось уйти от него в чащобе, но серый плащ скользил перед ним, словно ветви были бесплотными, и, хотя он двигался очень быстро, ему не удавалось нагнать свою проводницу. Пот заливал ему глаза, а сердце стучало так громко, что заглушало все остальные звуки. Ветви хлестали по лицу и рукам. Листья проносились мимо, осыпая его мягкими, но назойливыми прикосновениями.

Наконец проводница остановилась на берегу реки у очень старого дерева – ее серый плащ казался наростом на коре в лунном свете. Они вышли к той части Керберна, где он разливался особенно широко и был мелким. Человек здесь знал каждый камень.

Проводница указала ему на противоположный берег.

– Но здесь брод, – запротестовал он. – Они наблюдают за ним.

– Нет. По крайней мере, не сейчас. И возможно, не будут это делать еще несколько ночей – верь мне, я это знаю. Там ты увидишь холмы и на вершине первого – груды камней; миновав второй холм, ты пойдешь вдоль реки, где она вырывается из ущелья, вверх по долине и к самому дальнему холму. Место, куда я посылаю тебя, не будет видно до тех пор, пока ты не минувешь долину и не взойдешь на Воронов холм – не знаю, так ли он зовется в нынешние времена?

– Да, он носит это имя. – Человек взглянул на смутную линию холмов, видневшихся за рекой, за деревьями. Речная вода плясала в лучах света, разбивавшихся рядом с ним. Встреченно он повернулся к своей спутнице. Но рядом уже никого не было, словно никогда и не бывало, лишь меркнущие воспоминания о высоких, спокойных звуках голоса, да и тот будто приснился ему, и о мягком сиянии, которое он смутно различал.

Мир вокруг снова сгустился холодным мраком, а тени угрожающе придвинулись.

– Ты здесь? – спросил он тьму, но ответа не последовало.

Тогда он вздрогнул, сдвинул перевязь с мечом за спину и вступил в студёные воды Керберна, то и дело ожидая стрел из-за темных деревьев с противоположного берега, засады, а более всего – леденящего смеха эльфийского народца за своей спиной. Дары эльфов не сулили удачи. Теперь он уже никогда не сможет почувствовать уверенности в собственной безопасности.

Но он шел по пояс в воде, а с берегов не доносилось никаких звуков, разве что легкие всплески в камышах. Он вылез на противоположный берег, занимаемый его врагами, и не обнаружил ни засады, ни другой опасности поблизости. Он тут же бросился бегом, чтобы согреться, петляя между молоденькими деревцами, росшими вдоль пустынных границ Ан Бега и его деревень.

Его звали Нэаль. Люди прозвали его Далаханом, а в былые дни он носил и другие имена и обладал властью; но король, которому он теперь служил, был беспомощным младенцем, спрятанным где-то в холмах, как надеялись верные ему сердца. И пока эти верные воины разоряли и опустошали поля предателей в долине Керберна и везде, где могли, ибо это – единственное, что им оставалось, пока юный король не превратится в мужчину.

Пять лет Нэаль жил в лесу, скрываясь за камнями и прячась в чащобах, и его люди следовали за ним, но теперь большинство из них были мертвы, остальные разбрелись.

Поэтому он бежал и бежал, так как на востоке уже занималась заря, а темный лес обещал ему впереди безопасность. Он был уже немолод. Он растерял свою веру в грядущих королей. Он хотел лишь места у очага, хлеба для пропитания и чтобы больше ему не надо было уходить от погони.

Солнце уже взошло, а он все бежал, поднимаясь в Бурые холмы. Люди считали, что в них, как и в лесу, обитает нечистая сила. Но он давно уже привык к таким местам, куда ни один достойный человек не рискнул бы пойти. Несмотря на их дурную славу, Нэаль чувствовал, как его охватывает все большая надежда, по мере того как он углублялся в холмы. Усталость оставила его, и он бежал гораздо легче, чем раньше, по пустынной каменистой местности. Солнце поднималось все выше. Пот стекал с него ручьями. Нэаль слышал лишь звуки своих шагов и скрип камней под ногами, и больше ничего не было, словно на все остальные его чувства кто-то набросил покров, и мир перестал быть прежним. Если в лесу было темно, то здесь все сияло, солнце играло тут и там, и камни переливались на свету.

Он добрался до Воронова холма и поднялся на него. Что-то странное сверкало в полдневном солнце под уступом противоположного холма. В предвкушении необычного он снова бросился бежать, даже чувствуя, что силы на исходе. Он продолжал подгонять себя надеждой на то, что стоит только перейти некий барьер и окажешься в последнем пристанище, которое можно обрести лишь случайно или по воле невероятной удачи.

Это было уютное место с раскинувшимися вокруг полями и изгородами, каменные и соломенные крыши отливали золотом в лучах солнца, ветер доносил аромат свежего хлеба.

«Сюда! Сюда!» – донесся до него чей-то крик, когда он рухнул сначала на колени, а потом в полный рост растянулся на земле. «Сюда! Здесь человек упал во дворе!»

II. Хутор Барка

Пот ручейками сбегал по спине Нэаля, и это было сладкое чувство – махать молотком, а не мечом, забивая колья и укрепляя закрома, пока не собран новый урожай и поля золотятся белизной под лучами солнца.

Мальчик с суровым лицом принес ему воды: он напился из ковша, вылив остатки себе на голову и часто моргая глазами от попавшей в них влаги. Мальчик по имени Скага забрал у него ковш и двинулся дальше по своим делам – он всегда так себя вел, и ни у кого это не вызывало неудовольствия. Как только мальчик ушел, на изгородь опустились птицы, посмотрели своими мудрыми глазами на Нэаля и спорхнули вниз выклевывать зерно из пыли, стоило ему вернуться к работе. Он мечтал об обеде, вкусном обеде Эльфреды, который она, как всегда летом, подавала под вечерним небом, под раскидистым дубом, охранявшим хутор; одни будут петь, другие – слушать, и звезды проводят их в постель, и разбудит их только солнце.

Так текли дни на хуторе Барка, а сам Барк так управлял своим обширным хозяйством, что дни не проходили впустую и все делалось в свое время, как починка закромов перед сбором урожая. На хуторе было добрых четыре десятка рабочих рук – мужчины, женщины, дети. Поля были обширны, как и сады, овцы весной паслись на склонах холмов, а потом весь скот и пони спускались к ручью. Там, в тени корявых ив, лежали обточенные временем валуны, а глубина ручья была такова, что его мог перейти и ребенок. Ближе к хутору, там, где ручей подходил к амбару, паслись свиньи и такие же толстые гуси, разгуливавшие повсюду с громкими криками. Но на склонах холма проживал и волк – упитанный ленивый щенок, любивший почесать себе за ухом, и молоденькая ланка, которая приходила и повсюду совала свой нос. В ложбине у поля с репой была барсучья нора; а вокруг гнездились целые стаи птиц – от цапли, обитавшей у ручья, до семейства сов, обосновавшегося в амбаре. Все они были заблудшими душами, и все пришли, как волчонок и ланка, к миру и покою, поддерживаемым Эльфредой. Никто из них никогда не охотился друг на друга, если не считать цапли, которая вылавливала рыбу в ручье, и сов, питавшихся амбарными мышами, – для них вообще не существовало никаких законов.

Это правило распространялось и на двуногих обитателей хутора – ибо все, за исключением Барка и Эльфреды, забрели сюда случайно – как старые, так и молодые, и никакими родственными узами связаны между собой не были. На крыльце в целом ворохе ароматных стружек восседал иссохший и морщинистый, как последнее зимнее яблочко, дед Скелли, который своими руками и мудрым лезвием умел вырезать из дерева всевозможные диковины; и кто бы из детишек ни присаживался рядом взбивать масло или чесать шерсть, он принимался рассказывать им разные истории – а детишек на хуторе было с полдюжины, ничьих и общих, как ланка. Здесь же жил и подросток Скага, при каждом удобном случае таскавший и прятавший пищу, хотя Эльфреда и давала ему всего, что только душе угодно. Он боится голода, – объясняла она, – а потому пусть прячет, что хочет, и ест, сколько может, глядишь, и он станет улыбаться. Тут была Хейзел шести лет и Холен двенадцати, а между ними Соврак, Эдвульф и Кинил. Из взрослых здесь жили Шелта, которая хромала и была уже в зрелом возрасте, – она пекла хлеб и делала вкусные сыры, и Лонн, у которого лицо от лба до подбородка было перерезано шрамом, но руки у него были уверенны и хороши в обращении со скотом: Шелта и Лонн были мужем и женой, хотя до того как встретиться здесь, они не были знакомы друг с другом. Здесь жили Конвей и Каррак, и Кинвел, и Фланн, Демсей, Дермит и еще один Дермит, Руа и Фейяк, а также другие мужчины и женщины, так что рабочих рук всегда хватало как для домашних дел, так и для сельскохозяйственных, не говоря уже о Барке и Эльфреде, которые радостно и прилежно брались за любую работу.

Сама погода была добра к этому месту – колосья поднимались высокими, яблоки наливались спелостью, а ручей никогда не пересыхал летом. Днем холмы купались в дымке света,

так что глазам было больно смотреть вдаль, на Бурые холмы; а между хутором и рекой, протекавшей на юге, высился отрог горы, отделявший разоренный Ан Бег и другие местности, казавшиеся здесь чем-то нереальным.

– И вы неставляете стражу? – спросил Нэаль Барка, когда его привели в дом и накормили. – У вас нет мужчин, чтобы охранять это место? Тогда я буду это делать. С чем я знаком, так это с оружием.

– Нет, – сказал Барк, и его скуластое, краснощекое лицо прорезали морщинки смеха. – Нет. Тебе повезло, что ты добрался сюда. Немногим удастся это сделать, а кому удастся, тех я радушно принимаю. На моей долине лежит печать благодати. Хочешь остаться, оставайся, хочешь уйти – я покажу тебе дорогу, но если ты захочешь вернуться, сомневаюсь, чтобы ты смог во второй раз найти это место.

Больше Нэаль ничего не сказал об охране границ, поняв, что Барк обладает какой-то силой, оберегающей его владения. С невольным содроганием Нэаль подумал, что в Барке что-то есть от короля. Хотя и титул короля не соответствовал Барку с его нимбом седеющих рыжих волос и обветренными щеками, выступавшими над буйной, необузданной бородой. Он весь был как пламя, как порыв ветра, смеющийся великан, держащий советы лишь с самим собой; и Эльфреда была ему под стать, хоть и отличалась от него – с сильными руками, широкой талией и золотыми косами, уложенными венцом вокруг головы, она носила ведра с молоком, ткала, пряла и кормила как двуногих, так и четвероногих заблудших, поддерживая порядок в доме, а вместо скипетра пользуясь деревянной ложкой.

Судьба тоже благоволила этому месту, и здесь происходило гораздо больше удивительных вещей, чем в других местах: сорняки, завопившиеся на полях, сами по себе засыхали и падали в межу, так что пропалывать овощи не было необходимости, а если в ту же ночь исчезало несколько овощей, никто и не упоминал об этом. Потерянные инструменты обнаруживались на следующее утро на крыльце, что привело бы в трепет любых других менее уравновешенных людей. Точно так же каждый день исчезало молоко из мисочки и масляные лепешки, которые Эльфреда каждый вечер аккуратно выставляла на скамейку рядом с крыльцом; конечно, это могли быть проделки волчонка, или ланки, или гусей, но Нэаль никогда не следил за этим, да и не хотел следить.

Но самым удивительным был, конечно, коричневый человечек, как его называл Нэаль. Он шнырял тут и там в садах и меж камней, и большая часть странных происшествий была делом его рук.

– Он очень старый, – предупредил Барк, когда Нэаль рассказал ему о нем. – Никогда не тревожь его.

Нэаль не сомневался в том, что тот был стар, стар, как камни, холмы и все остальное, ибо от него веяло какой-то сверхъестественной жутью. Ни одно живое существо не могло двигаться так быстро, то появляясь, то исчезая. Вот он сидел у амбара – маленький коричневый комочек, босой, обхватив колени руками, и смотрел, как Нэаль чинит загородку. Он был морщинист, как старик, и проворен, как ребенок, его коричневые волосы ниспадали на волосатые руки, а борода струилась по обнаженной груди, его руки и ноги – все было покрыто курчавой шерсткой. Коричневый, как орешек, и не выше подростка, он бродил по амбару, выуживал из бочки яблоки и скормливал их пони в конюшне.

И еще этот коричневый человечек умел в одно мгновение быть здесь, а в следующее – уже в другом месте, так что, когда Нэаль искоса взглянул на сарай, того уже там не было.

В то же самое мгновение что-то защекотало его по обнаженной спине, и он, выругавшись, даже замахнулся молотком. Краем глаза он заметил, как в сторону амбара метнулась тень и зачерпнула пригоршню зерна; но, несмотря на всю быстроту движений Нэаля, он так и не успел толком ничего рассмотреть – существо уже исчезло за углом.

– Эй! – закричал Нэаль и бросился за угол, и снова существо улизнуло от него, лишь вспыхнув коричневатым всполохом.

Однажды он уже гонялся за ним, и оно водило его через изгороди и валуны на другую сторону ручья и обратно. Теперь он резко выскочил из-за угла и тут же наткнулся на него. Нэаль замахнулся молотком, но не для удара, а так, чтобы напугать.

Существо вскрикнуло и скорчилось на земле, вместо того чтобы бежать. Закрыв лицо волосатыми руками, оно испуганно ожидало удара.

– Эй ты, – сказал Нэаль. – Ну же. – Он вдруг почувствовал стыд и уповал лишь на то, что его никто не видит.

Существо посмотрело на него сквозь растопыренные пальцы, потом плюнуло и поковыляло прочь на своих коротеньких ножках.

– Ни дна тебе ни покрышки, – пробормотал Нэаль и тут же пожалел об этом. Все в этот день валилось у него из рук. Гвозди и молоток он забыл в амбаре, и ему пришлось возвращаться и искать их там.

За шиворот ему набилось соломы.

– Чума на тебя! – закричал Нэаль, но существо вскарабкалось на стропила и разбудило сов, принявшихся хлопать крыльями.

– Возвращайся! – попросил Нэаль, но оно уже было за дверью.

– Не старайся. – Это уже был голос Барка, который подошел сзади, и краска стыда залила лицо Нэаля. Он не привык, чтобы из него делали посмешище или ловили на дурном поступке.

– Я не собирался ударять его.

– Нет, но ты ранил его гордость.

Нэаль задумался.

– Чем же можно залечить эту рану?

– Добротой, – ответил Барк. – Только добротой.

– Попроси его вернуться! – воскликнул Нэаль с неожиданным отчаянием в голосе.

– Я не могу это сделать. Он – Граги, и его никто не может позвать – он никому не говорит своего имени.

Нэаль вздрогнул – ему показалось, что удача оставила его. «Все кончено, – подумал он, – потому что я напугал одного из волшебного народца». Он вспомнил, как пришел на хутор и как ему повезло, что он отыскал его и смог в нем остаться.

В тот вечер он не смог даже есть и поставил весь свой обед на крыльцо рядом с тарелкой Эльфреды; но наутро дар Эльфреды был принят, а его – оставлен.

И все же существенной перемены в его судьбе не произошло, разве что время от времени на голову ему сыпалась солома, когда он заходил в амбар, а стоило ему отвернуться, исчезали инструменты, чтобы появиться снова на своих крючках в амбаре, когда он приходил уже за другими.

Он переносил все это с совершенно не свойственным ему терпением, как-то раз даже оставив сочное яблоко на том месте, где была совершена кража. Дар его исчез, но продолжали исчезать и инструменты. И все же он научился относиться к этому с улыбкой, не обращая внимания на свои злоключения, сколько бы огорчений они ему ни приносили.

Он стал так терпим, что это распространилось даже на кражи Скаги, так что однажды, когда он застал мальчика копающимся в его завтрак на поле, то лишь остановился рядом, ничего не говоря, и глаза Скаги округлились от изумления.

У Нэаля и в этот раз был при себе молоток, но он не поднял руку.

– Не оставишь ли мне кусочек? – спросил Нэаль. – У меня сегодня был тяжелый день.

Мальчик, сидя на корточках – неудобное положение, чтобы пускаться в бегство, – кинул на него взгляд и поставил корзинку на место.

– Может, ты поешь со мной? – спросил Нэаль. – Я предпочитаю закусывать в компании.
– Здесь не так уж много, – ответил рыжеволосый разбойник, с сомнением заглядывая под салфетку.

– Сколько бы ни было, это всегда можно разделить пополам, – сказал Нэаль и последовал своим словам.

Это был молчаливый завтрак. Скаги и потом еще крал завтраки у других, но у Нэаля больше никогда. А порой быстрые ноги Скаги доставляли Нэалю пропавшие инструменты, прежде чем он успевал их хватиться.

Однажды днем появился Граги – уселся за амбаром и принялся подсматривать за Нэалем, а тот наблюдал за ним краем глаза.

– Вот, – промолвил он, чувствуя, как колотится у него сердце, и зачерпнул пригоршню зерна, – вот зерно. А еще у меня есть с собой кусок хлеба, если хочешь. И хороший сыр.

Но голова Граги исчезла, прежде чем он успел договорить. С тех пор он начал время от времени появляться, а инструменты похищал только изредка в качестве напоминания.

Судьба продолжала улыбаться Нэалю, и дни катились от летнего зноя к осеннему урожаю: ланка стала долговязой, волчонок уже был на луну по ночам, а серпы затачивались сами собой к каждому утру.

Но однажды в полдень из-за Воронова холма появился, спотыкаясь, человек – он шел к хутору, пугая гусей.

Нэаль вместе со всеми выбежал ему навстречу. Перелезая через изгородь, человек упал грудой костей и оружия, ибо он нес лук, пустой колчан и меч на боку. Лонн подхватил его и помог подняться, так что, когда подошел Нэаль, тот с трепетом опустился перед ним на колени, ибо они были знакомы друг с другом.

– Его зовут Кэвин, – сказал Нэаль. Страх обуял его, словно угроза нависла над его благополучием. Он кинул взгляд за изгородь, где высились складки холмов, ожидая увидеть погоню, идущую по пятам Кэвина. Но потом он ощутил прикосновение руки и со стыдом потупил очи.

– Господин, – промолвил Кэвин, и рука его задрожала – и это у Кэвина, лучшего их стрелка. – О господин, мы слышали, что ты погиб.

– Нет, – ответил Нэаль, – тише, не кричи, обопрись на меня – я помогу тебе идти.

Кэвин позволил поднять себя, полагаясь лишь на Нэаля, опираясь и держась за него, и Барк, Лонн, Фланн и Каррак – вся компания понесла пришедшего во двор и в дом на попечение Эльфреды, лучше которого и быть не могло.

Его накормили бульоном и хлебом с маслом, но к вечеру Кэвин с трудом добрался лишь до крыльца и спустился во двор, где стол под дубом ломился от пищи, ожидая жнецов, с песнями возвращавшихся домой. Добравшись до стола, он замер с потерянным видом человека слишком сурового, для того чтобы плакать, но ему на помощь пришел Нэаль, а Барк сердечно похлопал его по плечу и велел принести ему кружку эля и поставить на стол лишнюю тарелку.

– Сюда, – сказал Нэаль, поспешно усаживая Кэвина на свое место, пока все двигались, а Шелта ходила ему за тарелкой и кружкой.

– Это Кэвин, – сказал Барк, поднимая кружку за его здоровье. И все выпили за него, после чего набросились на вкуснейшую стряпню Эльфреды.

Кэвин попробовал кусочек того, кусочек этого, но руки у него дрожали, и наконец он застыл с куском хлеба в руке, по его щекам струились слезы. И Нэаль обнял его, чтобы подержать – так тот был слаб, и все поняли его, и веселье возобновилось с новой силой.

– Что это за место? – спросил Кэвин, отхлебнув эля.

– Укрытие, – ответил Нэаль. – И безопасность. Это место, не знакомое со злом. Зло никогда не придет сюда.

– Значит, мы умерли?

– Нет, – рассмеялся Нэаль. – Никакой смерти.

Но необъяснимый страх так и не покидал его. Он даже жалел, что Кэвин вообще появился здесь, потому что этот человек напомнил ему о том, кем он когда-то был, и принес с собой непреодолимое зловоние смерти. Более того, он боялся, что приход Кэвина угрожает миру и покою не только его, но и всех остальных, словно опасность нависла над самым сердцем этого места.

В течение последующих нескольких дней Кэвин лежал в доме или отдыхал на крыльце под солнцем и легким дуновением ветра, спал, пил и вкусно ел, и постепенно выражение его лица стало менее изможденным и отчаянным.

В эти первые дни он не расставался со своим мечом и держал его при себе, даже дремля на солнышке. То и дело во сне рука его принималась шарить вокруг и успокаивалась, лишь когда пальцы сжимали ножны или перекрестие, – тогда минутное напряжение таяло на его лице, и он снова расслаблялся. Но на третий день он отпустил меч, а на четвертый вышел из дома, оставив у очага колчан и лук. Сначала он посидел со старым Скелли на крыльце, потом пересек двор и наконец вышел на ток.

Там его увидел Нэаль и, утерев со лба пот и пыль, пошел к нему навстречу.

– Эльфреда знает, что ты уже ходишь? – беспечно спросил Нэаль.

– После твоего ухода...

Нэаль нахмурился.

– Нет. Не сейчас. Не здесь.

– Мой господин...

– Говорю тебе – никакого господина. Нет больше господина, Кэвин. – Он слегка похлопал его по плечу. – Пойдем со мной.

Кэвин дошел с ним до амбара и вошел в его тенистое нутро, и там Нэаль остановился.

– Здесь, на хуторе, нет господ, – промолвил Нэаль, – разве что Барк и госпожа его Эльфреда. И по-моему, это справедливо. Забудь мое имя.

– Я отдохнул. Я достаточно поправился, чтобы пуститься в обратный путь – как-нибудь я снова принесу тебе весточку. В холмах наши люди...

– Нет. Нет. Если ты уйдешь отсюда, вряд ли ты сможешь когда-нибудь сюда вернуться.

Весь пыл погас на бледном лице Кэвина. Он окинул Нэаля взглядом с головы до пят, словно не веря собственным глазам, словно видя того впервые.

– Твои руки в мозолях, мой господин, и эти мозоли не от меча. В волосах твоих солома. Ты занимаешься крестьянским трудом.

– Я хорошо справляюсь со своим делом. И оно приносит мне больше радости, чем что-либо иное. И я тебе скажу, в нем больше добра, чем мне когда-либо доводилось делать. Кэвин, Кэвин, ты увидишь. Ты сам поймешь, что это за место.

– Я вижу только одно, что ты поддался его чарам. Король...

– Король... – Нэаль вздрогнул и отвернулся. – Мой король умер; а тот, другой – кто знает? Кто может с уверенностью сказать, что он жив? Я видел мертвым своего короля. Того, другого я никогда не видел. Дитя, тайно увезенное ночью, но чье дитя? Какой-нибудь служанки? Или нищего? Или вообще подкидыш.

– Я видел его!

– Хорошо, ты его видел. Но разве это что-нибудь доказывает? Какое-то дитя.

– Мальчик, белокурый мальчик. Лаоклан, сын Руари, похожий на него самого. Ему сейчас пять. Талли охраняет его – ведь не усомнишься же ты в его слове? – они все время перемещаются в холмах, так что ни один предатель не найдет его, и теперь им нужен ты... Им нужен ты, Нэаль Кервален.

– Мальчик. – Нэаль опустился на ларь и посмотрел на Кэвина, чувствуя горечь во рту. – А кто я такой, Кэвин? Мне было сорок два, когда я начал служить в надежде на возвращение короля, и мои кости болят, Кэвин, после пяти лет сна под деревьями на камнях. И если этот мальчик когда-нибудь вернет себе Дун-на-Хейвин, взгляни на меня. Нужно двадцать лет, чтобы из мальчика сделать мужчину, а сколько еще пройдет, чтобы из этого мужчины получился король? Неужели ты думаешь, я увижу это?

– Что ж, а кто из погибших на поле Эшфорда увидит его королем? Или, может, я увижу? Может, я? Не знаю. Но я делаю, что могу, как мы поступали всегда. Где твое сердце, Кервален?

– Разбито. Давным-давно. И больше я не хочу ничего слышать. Довольно. Ты можешь идти, когда будешь в силах, или оставаться, как хочешь. Побудь еще немного. Отдохни. Но не задерживайся. Посмотри, как здесь течет жизнь. О Кэвин, оставь меня с миром.

Долго молчал Кэвин, глядя на Нэалья с потерянным и отчаянным видом.

– Мир, – повторил Нэаль. – Наша война окончена. Время сбора урожая, наливаются яблоки – впереди долгая зима. И нет никакой нужды в мечях, и ничем мы не сможем помочь. Это дело молодых. И если суждено прийти королю, он будет их королем, а не нашим. То, что мы начали, закончат другие. Разве не таков порядок вещей?

– Господин, – еле слышно прошептал Кэвин, и вдруг в глазах его вспыхнула тревога – у дверей бесшумно метнулась чья-то тень. Кэвин бросился к двери и повалил соглядатая в пыль.

– За нами шпионят, – вскричал Кэвин и, схватив коричневого человечка за волосы, втащил его в амбар и захлопнул дверь за собой.

– Отпусти его, – поспешил Нэаль, – отпусти.

Кэвин взглянул на свою жертву и с криком отдернул правую руку, потому что тот кусался и царапался, однако левую кисть он так и не разжал.

– Это не человек, это...

– Это Граги, – сказал Нэаль и разжал руку Кэвина, освобождая человечка. Существо потерлось о руку Нэалья, несколько раз подпрыгнуло у него за спиной и ринулось за стог сена – вся шерстка у него была в пыли и соломе.

– Злобный, злобный, – прошелестело оно голосом, от которого волосы у человека вставали дыбом.

– Он больше никогда не причинит тебе зла, – пообещал Нэаль.

И добавил:

– Мне еще никогда не приходилось слышать его голоса, хотя другие и рассказывали, что он умеет говорить. Открой дверь, Кэвин, открой ее! Пусть идет!

Кэвин осторожно толкнул дверь, и в амбар хлынул свет. Граги шелохнулся и двинулся по направлению к двери – Нэаль никогда не видел его так близко: морщинистое коричневое бородатое личико, а из-под спутанных волос бесцветные и глубокие, как вода, глаза. Граги взглянул на Нэалья и подпрыгнул на своих толстеньких ножках, словно кланяясь. Еще мгновение – и его не стало.

Повернувшись к Кэвину, Нэаль увидел на его лице испуг.

– В нем нет ничего дурного.

– Ты уверен? – Кэвин прислонился к двери. – Теперь я знаю, куда исчезают лепешки по ночам и что за добрая судьба благоволит к этому месту. Пойдем, Кервален, пойдем отсюда.

– Я никогда не уйду отсюда. Никогда. Ты еще не знаешь, что это за место. Послушайся меня. Ты всегда мне верил. Оставайся. Ты всегда сможешь уйти, но дороги назад ты уже никогда не найдешь. Разве тебя привела сюда не добрая судьба? Скажи мне. Скажи мне, вдыхал бы ты воздух этого утра или получил бы хороший завтрак и жил бы в ожидании обеда, если бы не пришел сюда? Быть живым не есть бесчестье. Эта война перестала быть нашей. Наша судьба привела нас сюда – это уже победа. Я так считаю. Подумай об этом, Кэвин. И оставайся.

Долго думал Кэвин, потом взглянул на землю и наконец на Нэалья.

– Впереди осень, – промолвил Кэвин, уступая.

– И зима. Впереди зима, Кэвин.

– До весны, – сказал Кэвин. – Весной я уйду.

Яблоки были засыпаны в лари, колбасы коптились, старый дуб сбросил свою листву, и пошел снег. Граги сидел на крыше у трубы и оставлял следы там, где исчезали лепешки и подогретый эль, а по ночам он коротал время в компании волов и пони.

– Расскажи нам сказку, – попросил юный Скага Кэвина, когда все домочадцы собрались у огня. Поразительно, но Скага сам без посторонних просьб заготовил отрубей для скота на зиму, и с лета ни у кого ничего не пропадало. Скага стал задумчивым и рассудительным парнем, сильно привязавшись к Нэалю, а заодно и к Кэвину.

И вот Кэвин принялся рассказывать о зиме в Дауре и о том, как ураган ломал старые деревья; а Скелли припомнил, как однажды заблудился в таком буране. А потом, когда весь дом улегся – каждый в своем укромном уголке, а Барк с Эльфредой на своей огромной кровати на втором этаже, Кэвин сказал Нэалю, соломенный тюфяк которого лежал рядом с ним:

– Это зима молодых.

– Это война молодых, – ответил Нэаль.

– Они отняли твои и мои земли, – сказал Кэвин. Нэаль долго молчал.

– У меня нет наследника. И скорее всего, не будет.

– Ну что касается этого... – И теперь Кэвин замолчал надолго. – Это тоже дело молодых. Как зима. И война.

И после этого Кэвин уже ничего не говорил. Но наутро он как будто просветлел, словно с него свалилась какая-то тяжесть.

«Он останется, – думал Нэаль, поглядывая на Кэвина. – Хоть один человек из всех последовал за мной». Но потом он отогнал эту тщеславную мысль вместе с «господином» и «Керваленом» и закутался в теплые одежды, ибо надо было идти делать зимние дела. Дети играли в снежки, и Кэвин играл вместе с ними, крадучись обходя амбар вместе со Скагой. Нэаль видел, как Кэвин учит мальчика сноровке и бесшумным движениям. Дрожь пробежала по его телу – но ведь это были всего лишь снежки, а крики и вопли – выражением детской радости.

Граги взгромоздился на крышу, скинул пару охапок снега и, рассмеявшись, убежал прочь.

– Ха! – прокричал он, прячась за трубу. – Ха! Злобный!

– Исчезни! – завопил Кэвин, но засада была раскрыта и битва проиграна.

Поглядев на них, Нэаль отвернулся, но шум сражения и еще какие-то звуки продолжали долетать до него. Он обернулся, чтобы убедиться, что не ослышался, и глаза его подтвердили, что здесь по-прежнему не происходит ничего дурного. Довольный, Нэаль двинулся по своим делам.

III. Арфист

И снова пришло время сбора урожая. Серпы мелькали взад и вперед, оставляя за собой стерню. А к утру снопы были уже аккуратно связаны и стояли рядами; так что Граги спал весь день напролет и уплетал предложенную пищу за обе щеки. В этот год на хутор пришли две лани, прилетели только что оперившийся сокол, выпь, забрели трое лисят и отошавшая, раненная стрелой пегая кобыла – вот таких беглецов собрал у себя хутор. К осени сокол улетел, да и выпь тоже; лисята уже перестали играть у крыльца и уходили к самым границам хутора, следуя путем возмужавшего волчонка; а кобыла подружилась с пони, растолстела и залоснилась на сочной траве и зерне. Дети обожали ее и вешали ей на шею венки, которые она чаще всего норовила сбросить и съесть: она ела и ела и начала уже резвиться по утрам, словно наступила заря мироздания и ни о какой войне никто и не слыхивал.

«Вот и еще одна душа излечилась от безумия», – думал Нэаль. Он полюбил эту кобылу за ее мужество, временами он ездил на ней без седла и поводьев, позволяя скакать, куда ей захочется, по полям и холмам. Ему нравилось снова ощущать себя наездником, а кобыла задирала хвост и то и дело ржала от радости, несясь, куда ее душа желала – от богатых пастбищ к прохладному ручью, от ручья – в холмы на солнцепек или снова домой в конюшню, к яслям с зерном. «Банен» – он называл ее – его прекрасная любимица. Ей нравилось возить его и детей, и Граги, который нашептывал ей слова, которые понимают лошади. Иногда она соглашалась, чтобы ее взнуздали, и тогда на ней ездил Кэвин под настроение и другие, но это случалось редко и получалось не так хорошо, потому что, как утверждал Кэвин, у нее была лишь одна любовь, и никто другой не мог завоевать ее симпатий.

Так что этот год оказался к Нэалю еще добрее, чем предыдущий. Однако это были еще не последние гости.

Этот последний пришел с песнями, сияя, словно медный таз, он спустился с пыльной каемки поля по тропе, протоптанной скотом, юнак, бродяга с мешком за плечами, посохом в руке и безоружный, если не считать кинжала. Волосы у него выгорели до белизны и, когда он шел, развевались по плечам от дуновений ветерка. Он пел:

Хэй, дуют ветра,
Хо, листва умирает,
Месяц месяц сменяет,
Скоро придет зима.

Нэаль первым заметил его. Он чинил изгородь вместе с Барком, Кэвином, Лонном и Скагой.

– Смотрите, – сказал Кэвин, и все посмотрели, а потом перевели взгляд на Барка. Барк бросил работу и, подбоченясь, устремил взор на юношу, весело спускавшегося с холма, – казалось, Барка это совершенно не удивило.

– Вот еще один идет, сам не зная куда, – сказал Нэаль. В глубине души он чувствовал мелочное раздражение, что на хутор находит дорогу кто-то менее отчаявшийся, чем он сам, не столь израненный, как Кэвин, и не так оголодавший, как Банен или прилетевший сокол. То, что сюда можно было забрести случайно, просто так, разрушало все его представления о мире. Но потом он понял, что это низкие мысли, и в третий раз устыдился себя.

– Верно, кто-нибудь из эльфийского народа, – встревоженно сказал Лонн.

– Нет, – ответил Барк. – Он не из них. За спиной у него арфа, и поет он несказанно хорошо, но к колдовскому миру он не имеет отношения.

– Так ты его знаешь? – спросил Нэаль в надежде на то, что Барк укрепит его уверенность.

– Нет, – ответил Барк. – Я не знаю. – Не было среди живых человека с более острым слухом и зрением, чем Барк. Юноша был еще далеко, и голос его был едва слышен. Но пение, светлое и радостное, звучало все отчетливее, по мере того как он не спеша спускался к ним: на плече его и вправду была арфа. Она звенела в такт его шагам и даже тогда, когда он остановился.

– Жалуют ли здесь странников? – спросил юноша.

– Всегда, – ответил Барк. – Всех, кто находит сюда дорогу. Издалека ли ты?

На мгновение юноша смутился. Он обернулся, словно отыскивая дорогу, по которой пришел.

– Я шел по тропе. Я думал, она сократит мой путь через холмы.

– Ну что ж, – сказал Барк. – Одни тропы бывают короче, другие длиннее. В холмах в наше время беспокойно.

– Я видел там всадников, – рассеянно заметил арфист, указывая на холмы. – Но они проехали своим путем, а я пошел своим, к тому же я шел по дороге, чтобы они меня ни с кем не спутали, – или к арфистам теперь не испытывают былого почтения в землях Кер Донна?

– Если ты идешь в Кер Донн, то ты сбился с дороги.

Теперь на лице мальчика появился испуг, не то чтобы сильный, а так, тревога.

– Я пришел из Донна. Значит, это земля Ан Бега? Я не думал, что она простирается так далеко в холмы.

– Это свободный хутор, – сказал Барк и рассмеялся, обводя рукой дом у подножия холма, золотистую стерню, сады и всю широкую долину. – И если попросишь, Эльфреда, моя жена, даст арфисту кружку эля и место у очага. А если ты любишь медовые лепешки, так и их у нас всегда достаточно. Скага, проводи парня.

– Сэр, – промолвил арфист, приходя в себя и становясь очень учтивым, и отвесил Барку поклон, словно тот был настоящим господином. Он поправил ремень своей арфы и, бросив пару тревожных взглядов туда, откуда он пришел, зашагал по склону холма вслед за Скагой, и шаг его снова делался все легче и пружинистей.

– У тебя дурные предчувствия, – сказал Нэаль Барку, когда арфист отошел на достаточное расстояние. – Ты никогда не спрашивал ни о чем ни меня, ни Кэвина. Кто он? И что он за человек?

Барк продолжал смотреть вслед юноше, облокотившись на жердину, и на лице его больше не было смеха, ни крупницы.

– Сбившийся с пути. Он сказал – Кер Донн. Но сердце его закрыто.

– Он лжет? – спросил Кэвин.

– Нет, – ответил Барк. – Разве может арфист лгать?

– Арфист такой же человек, – возразил Кэвин, – а люди лгут с незапамятных времен.

Барк испытующе взглянул на Кэвина, его шевелюра, переходящая в бороду, полыхала на ветру, как костер.

– Значит мир стал дурным местом, если это так. По крайней мере, этот не лжет. Это меня не пугает.

– А если он потом начнет петь о нас песни в Ан Беге? – спросил Кэвин.

– Они могут искать нас сколько хотят, – ответил Барк, пожав плечами, и снова взялся за жердину. – Зато у нас будут песни. Может, нам хватит их на целую зиму, а может, и нет.

И Барк сам запел, что он делал всегда, когда не хотел обсуждать какую-нибудь тему.

– Хозяин Барк, – недовольно начал Кэвин, но Нэаль взял другой конец жердины и молча поставил ее на место, так что все еще ворчавший Кэвин был вынужден склониться, чтобы укрепить жердь.

В этот вечер за столом под звездами действительно звучали песни. Арфист исполнял их на своей простенькой старенькой арфе, радуя детей веселыми припевками, сочиненными специально для них. Но пел он и великие песни. Одна была сложена о славной битве при Эшлине: он пел о короле и Нэале Кервалене, пока сам Нэаль, уставившись в свою кружку, ждал только одного – когда она закончится. У многих на глазах выступили слезы; лишь Барк и Эльфреда сидели, взявшись за руки, тихо слушали и держали свои мысли при себе. Нэаль горестно ссутулился и сидел с сухими глазами, пока не прозвучал последний аккорд. Тогда Кэвин громко откашлялся и предложил арфисту эля.

– Благодарю тебя, – сказал юноша – он назвался просто Фианом. Он отхлебнул из кружки и задумчиво ударил по струнам. – Ах, – промолвил он, позволив замереть звукам, и снова поднял кружку с элем. Он прильнул губами к краю, поглядывая на собравшихся и утирая пот с разгоряченного лба, а потом снова взялся за арфу.

Гаснет искра,
Дуют ветра,
Камень бесплоден и гол.
Меркнет звезда,
Все – суета,
Пока ты себя не обрел.

А потом дрожь пробежала по Нэалю Кервалену, и пальцы его сжали кружку, ибо далее речь шла о мальчике-короле.

– Это – опасная песня, – сказал Кэвин.

– Так, – ответил арфист. – Но я знаю, где ее можно исполнять. К тому же арфист священ, не так ли?

– Нет, не так, – хрипло ответил Нэаль и поставил свою кружку на стол. – Прежде чем разрушить стены, они повесили Коэннаха, королевского арфиста при дворе Дун-на-Хейвина. – Он уже поднялся, чтобы выйти из-за стола, но вспомнил, что это не его стол, а Барка и Эльфреды, и он не имеет права покидать его в гневе. – Это все эль, – робко промолвил Нэаль, опускаясь на место. – Спой что-нибудь повеселее, мастер-арфист. Спой что-нибудь для детей.

– Хорошо, – ответил арфист, бросив на Нэаля внимательный взгляд и поколебавшись. – Я спою для них.

И он запел веселую живую песенку, но она отозвалась совсем иначе в сердце Нэаля. Нэаль посмотрел на Эльфреду и Барка и, убедившись, что те не обидятся, поднялся со скамьи и направился во тьму к амбару, где музыка звучала в ночи приглушенно и смутно, а смех был еле различим.

Там он прислонился к загону для скота, и ночь показалась ему холоднее, чем была на самом деле.

– Поют, – прожурчал голос.

Нэаля напугал его высокий и странный звук, донесшийся из стога сена, хотя он и догадался, кто это.

– Не суйся не в свои дела, – сказал он.

– Нэаль Кервален.

Его снова пробрал озноб – откуда существу было известно его имя?

– Есть здесь стог сена, в котором ты еще не прятался? – промолвил Нэаль. – Как не стыдно.

– Нэаль Кервален.

Дрожь стала сильнее.

– Позволь мне просто...

– Позволить что, Нэаль Кервален?

Нэаль, дрожа, отшатнулся в сторону, готовый бежать куда угодно от этих навязчивых вопросов.

– В доме пируют, – промолвил Граги. – А мне что?

– Я позабочусь, чтобы тебе поставили тарелку.

– И эль.

– Самую большую кружку.

Граги, косматый, с запутавшимися клочками соломы в шерсти, выбрался из стога и залез в темноте на ограду.

– Этот арфист не видит, – промолвил Граги. – Он сидит и играет, и временами взор проясняется у него, но чаще – нет. Твоя судьба привела его сюда, Нэаль Кервален. Он пришел ради тебя. Он обречен. Его приход – твоя удача и несчастье для него самого.

– Что сделало тебя таким мудрым? – с трепетом спросил Нэаль.

– Что сделало тебя таким слепым, человек? Когда ты пришел сюда, от тебя самого разило Ши.

Нэаль начал отворачиваться, но вдруг замер, и сердце его похолодело. А Граги спрыгнул с ограды и побежал.

– Вернись! – закричал Нэаль. – Вернись сюда!

Но Граги никогда не возвращался. Он растворился во тьме и исчез, по крайней мере, до тех пор, пока ему не выставили лепешки и эль.

Совсем поздно тем же вечером у очага собралась гораздо более тихая компания – арфист дремал, захмелев от эля, прижимая к груди арфу, а языки пламени освещали его лицо теплым сиянием. Когда Нэаль вошел в дом, считая, что все уже легли, он нашел там Кэвина и Барка с Эльфредой, Лонна, Скелли и Дермита, сидящих кто где.

– Сэр, – промолвил арфист, вставая и кланяясь, – надеюсь, я не опечалил тебя.

– Нисколько, – ответил Нэаль, смягченный такой учтивостью. Потом он тоже поклонился и обратился к Эльфреде: – Можно я прослежу, чтобы вынесли лепешки?

Эльфреда, собравшись, поднялась на ноги и принялась всех выпроваживать.

– Арфист устал. Всем в постель, в постель, – захлопала она в ладоши.

Барк и остальные тоже поднялись, а уже сморенный сном арфист пару раз моргнул и устроился поудобнее в своем углу.

Нэаль сам налил в кружку эля и вынес его вместе с лепешками на крыльцо.

– Граги, – позвал он шепотом, но в ответ не раздалось ни звука.

Он вернулся в дом, где все уже укладывались, и Скага, притаившийся в углу, вышел из своего укрытия.

– Довольно, – промолвил Нэаль. – В постель. Сейчас же. – И Скага послушался его.

Но над Кэвином он не имел такой власти. Кэвин не спускал с него глаз, и арфист следил за его движениями.

– Кервален, – прошептал арфист.

– Это он сказал тебе? Сколько же людей об этом знают?

– Я узнал тебя еще за столом. Мне рассказывали, как ты выглядишь.

– И что же говорят? Что я дурен? Немилосерден?

– О тебе говорят, что ты суров, господин. И называют достойнейшим среди тех, кто служил королю. Я видел тебя однажды, когда еще был мальчиком. Я видел, как ты встал за столом сегодня, и на мгновение ты снова стал Керваленом.

– Для меня ты все еще мальчик, – оборвал его Нэаль. – А каждая песня хороша в свое время. Ты ведь не в зале Эшфорда или Эшлина. Она была слишком длинной и громкой. А мы проиграли эту битву.

– Но добились многого.

– Ты так думаешь? – Нэаль повернулся к нему спиной, грея лицо в отблесках угасающего пламени, и страшная усталость навалилась на него. – Пусть будет так. Но теперь я собираюсь спать, мастер-арфист. В постель и спать.

– Ты собираешь здесь людей. Чтобы вести их к Кер Веллу. Это твоя цель?

Это изумило Нэалья, и он невесело рассмеялся.

– Ты гредишь, мальчик. С чем вести? С вилами и мотыгами?

Арфист подошел к очагу и протянул ему старый меч в ножнах.

– А он запылится, не правда ли? – спросил Нэаль. – Верно, Эльфреда забыла его протереть.

– Если ты возьмешь меня с собой, господин, я умею стрелять из лука.

– Ты ошибаешься. Ты жестоко ошибаешься. Меч постарел, и металл разъела ржавчина.

Он больше ни на что не годится. К тому же я решил остаться здесь.

Боль отразилась на лице арфиста:

– Я не соглядатай, я – человек короля.

– Что ж, хорошо. Но забудь о Кер Велле.

– Твой двоюродный брат – предатель...

– Я не хочу о нем слышать.

– ...захватил твои земли. Он заточил в темницу леди Меру, которую силой заставил стать своей женой. Кузину самого короля! А ты решил остаться здесь?

Рука Нэалья невольно поднялась, и он повернулся к арфисту. Тот, не сопротивляясь, приготовился принять удар, но Нэаль опустил руку.

– Господин, – промолвил Кэвин.

– Если бы я был Керваленом, стал бы я выжидать? – сказал Нэаль. – Кервален всегда был нетерпелив. Что же касается Кер Велла – как ты егохватишь, арфист? Нанесешь удар? Преждевременный удар. Послушай, мальчик, – подумай как воин, хоть раз. Предположим, удар принесет нам победу. Предположим, я займу Кер Велл и стану его хозяином. Как долго мне удастся удерживать его?

– Вокруг тебя соберутся люди.

– О да, придут верные воины короля, они соберутся на имя Кервалена. И поведут войну за младенца короля – за преждевременную власть. Но тогда поднимутся Ан Бег и Кер Дав – а это противники не робкого десятка. Донн обречен, и нет на него надежды без сильного короля. Лел колеблется, но Донн – пограничная область, а Кер Дав... Нет, этот год не годится. Может, лет через десять, как знать, может, лет через двадцать и вырастет подходящий король. Может, ты дождешься этого дня. Но этот день еще не сегодня. Мое же время ушло. Я научился терпению. И это единственное, чем я владею.

Некоторое время все молчали. Последние угольки потрескивали в очаге.

– Я – сын королевского барда Коэннаха, – промолвил арфист. – Я видел тебя однажды в Дун-на-Хейвине – при дворе, где погиб мой отец.

– Сын Коэннаха, – откликнулся Нэаль, и ему стало еще холоднее. – Я не знал, что ты остался в живых.

– Пока я не пустился в странствия, я был с молодым королем, ибо он – король, господин. Я ночевал под изгородями и среди камней, я останавливался в Леле и Донне, а также на хуторах Ан Бега, поэтому никогда не называй меня трусом, господин. Два года я скитаюсь там и сям, подвергаясь опасности.

– Оставайся, – сказал Нэаль. – Мальчик, оставайся здесь. Лишь здесь ты обретешь покой.

– Никогда. Это не для меня, господин. Это место пребывает во сне. Я ощущаю это все отчетливее, а я побывал во многих местах вокруг Донна, которые, может, мне уже и не удастся больше посетить. Оставь это и пойдем со мной.

– Нет, – ответил Нэаль. – Ни Кэвин, ни я не уйдем отсюда. Не хочешь послушать меня, тогда не надейся сюда вернуться. Миновав ворота Кер Велла, не думай, что ты сможешь найти путь назад или сохранить свою жизнь. Думал ли ты о том, сколь многих ты можешь выдать?

– Никогда и никого. Я принял меры предосторожности, чтобы ничего не знать. Я уже два года в пути, господин. Неужели ты думаешь, я не позаботился об этом? Я многое обдумал еще со времен Дун-на-Хейвина, потому и отправился в это странствие.

– Тогда прощай, сын друга, – сказал Нэаль. – Возьми мой меч, если он тебе пригодится. Его хозяин не сможет пойти с тобой.

– Это щедрый подарок, – сказал арфист, – но я не умею обращаться с мечом. Кроме арфы, мне ничего не нужно.

– Как хочешь – хочешь бери его, хочешь оставляй, – сказал Нэаль. – Здесь он заржавеет. – Он повернулся и направился в глубь дома к своему тюфяку. Но он не услышал шагов Кэвина. Тогда он оглянулся и сказал:

– Кэвин, мальчику предстоит долгий путь. Ложись спать.

– Да, – согласился Кэвин и оставил арфиста.

Арфист ушел еще до рассвета – бесшумно и не взяв с собой ничего чужого.

– Ни кусочка еды, – причитала Шелта, – ни глотка воды. Надо было нам приготовить ему, а он-то пел нам свои песни, пока у него не сел голос.

Но Эльфреда ничего не сказала, лишь молча покачала головой и поставила на огонь котел.

И все то утро в доме висела тяжелая тишина, словно веселье покинуло их, словно пение отняло у них все силы. Скага безучастно выполнял свои обязанности. Барк, взяв с собой Лонна и остальных, молча направился к амбару. Скелли уселся на свое место и начал что-то вырезать, понятное еще только ему, но дети были не в духе из-за того, что накануне поздно легли, и хмурились, и жаловались на порученную им работу. А Кэвин, ушедший с Барком, так и не дошел до амбара.

Нэаль застал его сидящим на скамейке, где он должен был забрать свои инструменты.

– Пойдем, – позвал его Нэаль, – надо еще укрепить изгородь.

– Я не могу больше оставаться, – ответил Кэвин, и на Нэаля обрушилось все, чего он так опасался, разыскивая Кэвина; но он все равно рассмеялся.

– Работа – отличное лекарство от тоски, старик. Пойдем. К полудню ты изменишь свое мнение.

– Я не могу больше оставаться. – Кэвин встал и посмотрел прямо в глаза Нэалю. – Пойду возьму свой меч и лук.

– Зачем? Защищать арфиста? Что он будет говорить в Ан Беге? – «Не обращайтесь внимания на этого великого воина, он по собственной воле идет за мной?» – Хорошую пару вы будете представлять собой на дороге.

– И все же я пойду за ним. Я сказал, что пробуду здесь зиму. Но ты украл у меня еще один год. Мальчик прав – это место покоится во сне. Уходи отсюда, Кервален, уходи и сделай еще какое-нибудь добро до нашего конца. Хватит этого блуждания во сне, довольно ты уже здесь побыл.

– Ты еще вспомнишь о нем, когда снова будешь голоден, когда будешь дрожать от холода или лежать в какой-нибудь канаве и никого не будет рядом с тобой, о Кэвин! Послушайся меня.

– Нет, – промолвил Кэвин и робко обнял Нэаля. – О мой господин, один из нас должен идти служить королю, даже если мы никогда не увидим его коронованным.

И Кэвин, не оглядываясь, направился к дому.

– Возьми тогда Банен, – закричал ему вслед Нэаль. – А если захочешь вернуться, пусти ее без узды, может, она принесет тебя домой.

Кэвин остановился, опустил плечи.

– Ты слишком любишь ее сам. Лучше благослови меня, господин.

– Да будет с тобой мое благословение, – сказал Кервален и посмотрел, как тот удаляется к дому, а большего ему и не надо было. Нэаль повернулся и побежал. Он бежал через поля, как когда-то давным-давно, как ребенок бежит от чего-то или к чему-то, или просто потому, что сердце его раскалывалось надвое и он не хотел видеть, как кто-то идет навстречу своей смерти, а уж менее всего Кэвин.

Наконец он упал в траву на вершине холма, и все тело его заныло с такой же силой, как его сердце. У него не было слез – он видел себя, мрачного поджарого человека, который изнашивался от прожитых лет, как изнашиваются камни; а вокруг него царили мир и покой, даруемые холмом, а внизу стояли сады со спелыми яблоками, лежали широкие луга, а под старым дубом высился дом с амбаром. Над головой же было небо. За отрогом холма блестел путь, как камни на солнцепеке, а стебли травы так сияли, что глазам было больно, и он отвернулся, встал и пошел по холму.

Потом его начало грызть сомнение, и, идя вдоль хребта, он начал оглядываться в поисках Кэвина – боль саднила и не отпускала его. Но дойдя до спуска в долину, он никого не заметил и понял, что опоздал.

– Смерть, – раздался сзади с холма тоненький голосок.

Нэаль в ярости оглянулся на косматое существо, сидевшее на камне.

– Что ты знаешь, каркающее чучело? Чтоб ты засохло! Можешь забрать все, что у меня осталось, ползучий вор, и засохнуть!

– Злые слова ведут к злу, но правда есть правда.

– Чума на твои пророчества.

– Дурно и вредно.

– Оставь меня.

Граги спрыгнул с камня и подошел еще ближе.

– Только не я.

– Значит, он умрет?

– Возможно.

– Тогда говори яснее. – В сердце Нэаля забрезжила надежда, и с отчаянным чувством вины он схватил Граги за косматые руки. – Если у тебя есть виденье, так посмотри. И скажи мне, скажи, прав ли арфист? Есть ли вообще надежда? Была ли она? Придет ли снова король? Должен ли я служить этому королю?

– Отпусти! – закричал Граги. – Отпусти!

– Не хитри со мной! – воскликнул Нэаль и встряхнул его, ибо страх сделал его жестоким, и взгляд косматого создания стал совсем безумным. – Есть ли надежда на этого короля?

– Он темен, – прошипел Граги, дико вздернув своей лохматой головой, и глаза его закатились, потом снова его взгляд остановился на Нэале. – О, темен.

– Кто? Что значит темен? Называй мне имена. Выживет ли юный король?

Граги застонал и, вывернувшись, укусил Нэаля за палец, тот выпустил его, отдернул руку и поднес ее ко рту. Но существо не стало убегать, оно уселось на корточки и, раскачиваясь туда и сюда с диким взором, заговорило тоненьким завывающим голосом:

Темен путь, и темна тоска,
И цепи крепки, что сковали их;
И наступит день, что даст им рассвет,
Но тут же придет закат.

– Что это значит? – вскричал Нэаль. – Кто это «они»? Ты имеешь в виду меня?

– Нет, нет, не Кервалена, никогда. О, человек, Граги плачет по тебе.

– Значит, я умру?

– Все люди смертны.

– Чума на тебя! – Нэаль посасывал свою прокушенную руку. – Какие цепи и где? Ты говоришь о Кер Велле?

– Оставайся, – промолвил Граги и исчез.

Нэаль уже готов был уйти. Он стоял на холме и смотрел вниз, в долину, которая вела к выходу из холмов. Но в его ушах продолжало звенеть «оставайся», и мышцы его ныли от бега, и Кэвина не было видно.

Он опустился на землю и сидел так до заката, и отвага его все гасла и гасла, а вера слабела и слабела.

Наконец он увидел бегущего мальчика меж холмов – он петлял и подпрыгивал на поворотах, словно преследуемый болью.

– Скага! – закричал Нэаль, поднимаясь на ноги.

Мальчик замер, словно его ударили, посмотрел на Нэаля и начал, спотыкаясь, карабкаться вверх; но Нэаль двинулся ему навстречу и поймал в свои объятия.

– Я думал, ты ушел, – промолвил Скага – он никогда не плакал, но сейчас губы у него дрожали.

– Это Кэвин ушел, а не я, – ответил Нэаль. – Ужин готов?

Мгновение Скага справлялся с одышкой.

– Наверное.

И он вернулся назад со Скагой – так захлопнулась ловушка.

IV. Травля

Арафель дремала. Лишь на мгновение она соскользнула в дебри своей памяти, что она частенько делала, в яркое сияние, столь отличное от тусклых ночей и слепящих дней смертного Элда. Но ее время текло вовсе не так, как время людей, и едва она погрузилась в сон, как ее разбудил какой-то звук, странный и жалобный.

«Он снова вернулся», – сонно подумала она, чувствуя сильную досаду, но потом она ощутила нечто совсем иное – откуда-то совсем рядом веяло жестокостью, и сияние, прозвенев в ее памяти, исчезло.

Она собралась с мыслями. Сон безвозвратно рассеялся, но она даже не обратила внимания. Ветер донес до нее звук, и весь Элд задрожал, как паутина. Она вынула меч и завернулась в плащ, хотя могла сделать гораздо больше. Это были беззаботность и привычка, а может, обрекаящая ее на неудачи судьба. Но ни один противник не вышел навстречу Арафели, и тогда она сама двинулась к источнику звука.

Из крепости Керберна через Элд вела прямая тропа. Это был самый опасный путь из долины Кер, и с тех пор как она завалила его, немногие отваживались пускаться по нему: лишь разбойники, вроде того изгоя, могли решиться на это – люди, глаза у которых так потускнели и помертвели, что они были глухи к обычному страху и голосу разума. Иногда им даже везло, и они выходили из леса живыми, если шли днем, двигались быстро и не охотились на зверей Элда. Если они двигались достаточно быстро, то вечер заставлял их живыми или в Новом лесу, на холмах, или за пределами Элда, на берегу реки.

Но пришелец, появляющийся ночью, да еще такой молодой и с таким безумным взглядом, и без меча или лука, а всего лишь с кинжалом и арфой – такой смельчак редко вступал в Элд, и мрачные тени посмеивались и шептались в изумлении.

Именно звуки арфы и услышала Арафель – столь редкостного инструмента, звеневшего на его плече и выдававшего его присутствие всем, у кого слышат уши, в этом мире и в том. Она следила за его бегом по этому звуку и вышла к нему прямо навстречу из нежного холодного света эльфийского солнца в еще более холодную белизну лунного сияния. Она вышла без капюшона, и плащ беззаботно развеялся у нее за спиной; и мрачные тени Элдвуда, осмелевшие на этой древней земле, вдруг ощутили теплое дыхание весны и отступили, хоронясь в укромные места, куда не проникал свет ни луны, ни солнца.

– Мальчик, – прошептала она.

Он замер, словно раненый олень, и изумленно осмотрелся, пытаясь отыскать источник голоса в чащобе. Она сделала шаг в его мир и тут же ощутила сырой ветер смертного Элда на своем лице. Мальчик оказался крепче, чем она думала, его одежда превратилась в лохмотья от стремительного бега сквозь лес. Но до того как эти одежды сделались испачканными и разорванными, они больше подходили для какого-нибудь замка – сотканные из тончайшей шерсти и расшитого полотна, арфа же за его плечом покоилась в резном ларце.

Немногое Арафель приносила с собой из иного мира, и все же это всегда читалось в ней, насколько сильно – зависело от того, кто смотрел на нее. Она явилась в простом обличье, как всегда, когда отправлялась в смертный мир, и теперь стояла, прислонившись к гниющему стволу умирающего дерева, сложив руки без тени угрозы и не прикасаясь к своему серебряному мечу. Более того, оперевшись ногой на выступавший корень, она встретила юношу легчайшей улыбкой – хотя скорее улыбалась просто по привычке. Но эта улыбка не обманула мальчика, и он продолжал смотреть на Арафель с опаской, возможно, видя перед собой оборванца и бродягу – а может, и нечто большее, ибо, похоже, он был не так слеп, как некоторые.

Его рука скользнула к талисману, висевшему у него на груди, и она, продолжая улыбаться, прикоснулась к бледно-зеленому камню, сиявшему на ее шее, ибо он обладал силой откликаться на чужие талисманы.

– Куда же ты идешь столь дерзко сквозь Элдвуд? – спросила она его. – На злодеяние? Или проказы?

– Скорее на беду, – юноша перевел дыхание. Он все еще смотрел на нее широко раскрытыми глазами, словно сомневаясь в ее реальности, и это забавляло ее где-то глубоко в душе. Она оглядела всего его вместе с арфой и тончайшей разорванной одеждой – необычайный путник на любой дороге мира. Он занимал ее, хотя она никогда не испытывала интереса к делам людей; она медлила – и вдруг ветер издала принес лай гончих. Мальчик вскрикнул и бросился наутек, ломая ветви на своем пути.

Его быстрота вывела ее из забытья, захватив врасплох, чего с ней не бывало уже давным-давно.

– Стой! – воскликнула она и во второй раз встала на его пути, метнувшись тенью из мрачных зарослей, словно какая-то хитрая игра лунных лучей. Именно это другое, тяжелое присутствие она и почувствовала сначала, она не забыла о нем, совсем не забыла, но легко отнеслась к этой угрозе, испытывая гораздо больший интерес к мальчику, чем к тому, неприятному, гостю. Мальчик затронул в ней какие-то забытые струны, он принес во тьму свет своей души.

– Вряд ли, – беззаботно промолвила Арафель, чтоб успокоить его, – вряд ли они забегутся так глубоко в лес. – Тот смотрел на нее в недоумении, словно позабыв, чего он хотел. – Как тебя зовут, мальчик?

Он сразу же понял, что означает этот вопрос, и кинул на нее взгляд затравленного оленя, ибо он знал, какую власть над человеком может подарить выданное имя.

– Ну же. Ты нарушил покой здесь, – резонно заметила она, – ты вошел в мой лес... Какое имя ты дашь мне за это?

Может, он и не сказал бы свое настоящее имя, может, он и вообще не стал бы останавливаться, но она так строго на него смотрела, что он пролепетал: – Фиан.

– Фиан.

«Светлый» значило это имя, и оно подходило юноше, ибо он был слишком светел для рода людского со своими бледными спутанными волосами и первым пушком бороды. Это было его настоящее имя, дающее над ним власть, саму его душу можно было читать по его глазам.

– Фиан. Фиан... – В третий раз она произнесла его имя еле слышно, как заклинание. – Значит, за тобой гонятся?

– Да, – ответил он.

– Люди?

– Да, – промолвил он еще тише.

– Зачем они охотятся на тебя?

Он ничего не ответил, но она и сама догадалась.

– Пойдем, пойдем со мной, – позвала Арафель. – Думаю, мне надо заняться этим вторжением, пока им не занялись другие. Пойдем, не бойся меня.

И она раздвинула для него колючие заросли. Он еще чуть помедлил и послушался ее, неохотно и очень осторожно двинувшись за ней следом в обратный путь, удерживаемый ничем иным, как лишь собственным именем.

Она немного прошла в ту сторону, откуда он прибежал, пользуясь ради него временем смертных, а не собственными стремительными путями, известными ей в Элде. Но затем она свернула с широкой тропы. Чашоба, рожденная темным сердцем Элда, была неприятным местом, ибо Элдвуд был добрее в прежние дни, и в нем все еще сохранялся дух погибшего света; но молодые деревца, попадавшиеся им на пути, всегда чувствовали себя здесь одинокими. Они пропускали свои корни в остовы напользающих холмов, создавая предательски

непроходимые барьеры. Ни один человек не смог бы отыскать путей Арафели, не говоря уже о том, чтобы выследить ее ночью вопреки ее воле, но она терпеливо расчищала дорогу следовавшему за ней юноше, то и дело останавливаясь и разводя для него ветви. Поэтому у нее было время оглядеться по дороге, и она была потрясена переменами, происшедшими в ее лесу, который она так хорошо знала. Она видела медленную, тяжелую и мудрую работу корней и ветвей, инея и солнца и несказанную славу ее, пробуждающуюся к жизни этой неожиданной ночью. Снова и снова оборачивалась она, чувствуя нерешительность за спиной: мальчик ловил ее взгляд и, несмотря на свою бледность и страх, с новыми силами преодолевал камни и льнувший к нему бурелом – покорно он следовал за ней, словно лишившись воли или последней надежды на иную судьбу.

– Я не оставляю тебя одного, – повторяла она. – Не спеши.

Но он ни разу ей не ответил, ни единым словом.

Наконец деревья слегка расступились на самой границе Нового леса. Арафель хорошо знала это место. Лай гончих доносился из долины Кера, из глубоких лощин, прорезаемых рекой меж холмами, – там лежала земля людей со всеми их делами, дурными и хорошими. Она вспомнила на мгновение о своем изгое и о той ночи, когда он бежал отсюда, – лишь на мгновение ее мысли унеслись далеко, в невидимую даль, и вот уже вновь вернулись к этому времени, к этому месту, к этому мальчику.

Она шагнула на выступ скалы на вершине последнего холма, и вся долина Керберна раскинулась у ее ног – темная дымка в лунном свете. Каменная башня давно выросла на холме за долиной. Люди называли ее Кер Веллом, но настоящее ее имя было иным. Люди беспамятны: они разбросали старые камни и взгромоздили друг на друга новые. Вот как изменили годы облик мира.

Лишь мгновение назад отсюда бежал старый воин или это было много лет назад?

Наконец подошел и мальчик, задыхаясь, он упал на край покатога камня, и струны арфы зазвенели. Он опустил голову и стер со лба пот, откинув спутанные светлые волосы. Затихший ненадолго лай снова возобновился и звучал теперь гораздо ближе, Фиан поднял испуганный взор и вцепился в скалу.

Сейчас, сейчас он побежит, куда поведет его ее светлая воля. Страх разрушал заговор. Мальчик вскочил на ноги. Она метнулась вперед и вновь остановила его легким прикосновением к его пышущей жаром руке.

– Здесь граница моих лесов, – промолвила она, – а там охотятся псы, от которых ты никогда не сможешь оторваться, никогда. Лучше оставайся здесь со мной, Фиан, право, лучше. Это твоя арфа?

Он кивнул, прислушиваясь к гончим. А после отвернулся от нее, чтобы остановить взгляд на темном море деревьев.

– Ты сыграешь для меня? – попросила она. Арафель хотела этого с самого начала, с первого долетевшего до нее звона струн; и желание это горело в ней куда как сильнее, чем любой интерес к людям и собакам. Это было эльфийское любопытство, невинная простота; оно было, как это свойственно ее народу, мудрым и истинным, а значит, выше него не было ничего.

Юноша заглянул в ее внимательные глаза, словно опасаясь, не обезумела ли она; но, возможно, он уже миновал страх, и надежду, и доводы разума. По крайней мере, все это исчезало из его взора, и он снова опустился на край скалы, снял арфу с плеча и расстегнул чехол.

Темный лес расцвел золотыми звездами – так это было прекрасно: арфа была совершенна, за пределами мастерства смертных, а звук ее – более чем красив. Когда Фиан взял ее в руки, она запела живым голосом. Он прижал ее к себе, словно защищая, и поднял свое бледное, все еще угрюмое лицо.

Затем он склонил голову и заиграл, как Арафель просила его, – легкие прикосновения к струнам становились все решительнее, откликаясь эхом из глубин долины Кера и вызывая бешеный лай у далеких гончих. Музыка поглотила все голоса, наполнила воздух и сердце Арафели, и та уже не ощущала дрожи и неуверенности в его руках. Она слушала и почти забыла, которая луна светила на них, ибо так много времени миновало с тех пор как в Элдвуде в последний раз звучала песня настолько нежная и нездешняя.

Фиан ощущал на себе чары, от которых дыхание ветра становилось теплее и деревья вздыхали, прислушиваясь. Страх полностью исчез из его глаз, и, хоть на лице его драгоценными камнями блестел пот, он играл чистую и мужественную музыку.

А потом он вдруг яростно перебрал струны, и мелодия превратилась в дерзкую песнь, непривычную для ее ушей.

В нее вкрался диссонанс – злорадный голос псов заглушил музыку и перебил ее мелодию. Арафель поднялась, чувствуя их приближение. Руки арфиста безвольно опустились. Внизу, в зарослях, слышались шум и цокот лошадиных подков.

Фиан вскочил, отложив арфу, и выхватил из-за пояса маленький кинжал. Арафель вздрогнула при виде этого клинка, пропитанного горьким привкусом железа.

– Нет, – попросила она его, попросила очень вкрадчиво, останавливая его руку. Неохотно, но все же он убрал оружие.

А потом из темноты деревьев на них обрушились гончие и всадники – свора черных подобострастных псов и двое могучих скакунов, цокающих среди них. От восседавших на них мужчин разило железом, их доспехи пугающе переливались в лунном свете. Псы, заливаясь лаем, хлынули на скалу и вдруг откатились обратно, рассыпавшись яростным кругом. Они были и ежились от страха, шерсть вставала дыбом на их загривках от того, что они увидели. Всадники стегали их плетками, но лошади под ними пятились и ржали от шпор, и мужчины не могли заставить двинуться вперед ни лошадей, ни гончих.

Арафель стояла, оперевшись ногой на скалу, и с холодным любопытством наблюдала за этой неразберихой из людей и животных. Они казались ей мрачнее, жестче и свирепее, чем те изгои, которых ей доводилось встречать, и снаряжение их было странным – скалящаяся волчья голова. Она не могла припомнить этой эмблемы, но ее мало заботили обычаи этих посетителей, еще меньше, чем обычаи тех, что предшествовали им.

На склоне появился третий всадник, могучий и крикливый, и он, хлеща свою неповинуящуюся лошадь, поднялся выше первых двоих, до самого гребня холма перед скалой. Следовавшие за ним воины, немало из которых были вооружены луками, тоже добрались до середины склона. Предводитель отъехал в сторону и поднял руку, и луки натянулись, целясь в арфиста и Арафель.

– Стой, – промолвила она.

Рука воина не упала, она лишь медленно опустилась. Он уставился на Арафель, и она легко поднялась на скалу, чтобы поближе рассмотреть этого всадника на высоком черном скакуне. Лошадь внезапно попятилась, и он пришпорил ее и жестко хлестнул кнутом, но так и не отдал приказа своим людям, словно скулящие псы и дрожащие кони наконец заставили его увидеть то, что было перед ним.

– Прочь отсюда! – закричал он таким голосом, от которого могла содрогнуться земля. – Прочь! Или я проучу и тебя! – И он вытащил свой огромный меч и нацелил его на Арафель, хлеща сопротивляющуюся лошадь.

– Проучишь? Меня? – Арафель легко опустилась на землю и взяла за руку арфиста. – Не из-за него ли ты явился сюда и поднял весь этот шум?

– Мой арфист – вор, – промолвил господин. – Отойди в сторону, ведьма. Такие, как ты, тоже подвластны огню и железу.

Теперь и вправду ощутила, что ей не по нраву меч и стрелы с железными наконечниками, которые по первому же слову этого человека могли быть пущены в ход. Однако она не отпустила руки Фиана, хорошо понимая, какая судьба постигла бы его, будь он одинок и беззащитен.

– Но он принадлежит мне, господин людей. Если бы арфист дарил тебе радость, вряд ли ты стал бы его преследовать. А мне он в великую радость, ибо давным-давно не было у меня такого приятного спутника в Элдвуде. Бери арфу, мальчик, и уходи отсюда. Я поговорю с этим грубым человеком.

– Стоять! – закричал господин, но Фиан схватил в руки арфу и бросился прочь.

Просвистела стрела – юноша метнулся в сторону, и арфа со страшным звоном упала на склон. Он мог бы оставить ее, но он начал карабкаться за ней, и это была его ошибка. Мгновенно их окружили лучники, готовые к бою.

– Не делай этого, – просто сказала Арафель господину.

– Что мое, то мое. – Он удерживал лошадь на месте, его меч оставался поднятым, готовый в любое мгновение дать сигнал стрелкам. – Арфа и арфист мои. И ты глубоко ошибаешься, если считаешь, что твои слова для меня что-нибудь значат. Я накажу и его, и тебя за твою дерзость.

Разумнее всего было уйти, Арафель это и сделала. Но через мгновение она уже была рядом с Фианом, лишь фантом под смертной луной.

– Я хочу узнать твое имя, господин людей, если ты не боишься моего проклятия.

Так она подшутила над ним, чтобы его люди видели страх своего повелителя.

– Эвальд из Кер Велла, – ответил он презрительно и не колеблясь, хоть и понимал, кто перед ним. – А твое, ведьма?

– Зови меня, как хочешь, господин. – Никогда еще во времена людей она не являлась им в своем истинном обличье, но гнев охватывал ее все сильнее. – И запомни, эти леса не созданы для того, чтобы в них травить людей, и твой арфист больше тебе не принадлежит. Уходи и будь благодарен. С людей довольно долины Кера. Если она тебе не нравится, приведи ее в порядок. А границы Элдвуда переступать не смей.

Господин закусил свой ус и еще крепче сжал меч, но стрелы глядели в грязь, натянутая тетива уже ослабла. Страх плескался в глазах стрелков, а всадники, прибывшие первыми, подались назад: они были свободны, и оттого у них было меньше самообладания, чем у подневольных лучников.

– Ты забрала то, что принадлежит мне, – продолжал настаивать господин, хоть его лошадь и пыталась податься назад.

– Да, я поступила так. Иди, Фиан. Иди спокойно.

– Ты забрала то, что принадлежит мне! – снова прокричал господин долины. – Так значит, ты не только ведьма, но и воровка? Ты должна заплатить мне за него.

Она задохнулась от удивления, но не двинулась с места.

– Тогда назови свою цену, господин людей. Я заплачу тебе, если ты оставишь нас. Но и я предупрежу тебя – принадлежащее Элду не выйдет за пределы Элда. Самое разумное, если ты попросишь у меня разрешения уйти.

Его взгляд, полный ненависти, но и осторожности, свирепо метался из стороны в сторону. Леденящий холод пронзал Арафель от этого взгляда, особенно там, куда он чаще всего смотрел – чуть выше сердца, и рука ее незаметно метнулась к лунно-зеленому камню, что без оправы висел у нее на шее.

– Я не стану просить разрешения у ведьмы, – произнес господин. – Это моя земля, и я вправе ходить по ней... Что же до цены, то камня будет достаточно. Вот того, – сказал он.

– Я предупредила тебя, – заметила Арафель. – Ты не мудр.

Но человек не проявлял никаких признаков смирения. Тогда она сняла камень с шеи и протянула его вперед на невесомой цепочке.

– Иди, Фиан, – сказала она арфисту, а когда он замешкался, снова крикнула: – Иди! И наконец он побежал, помчался, полетел как безумный, прижимая к себе арфу.

И когда лес снова затих, уgomонился и до нее доносился лишь цокот копыт по камням да жалобный вой псов, она выпустила камень из рук.

– Получи! – промолвила Арафель и двинулась прочь.

Она услышала шум за спиной и повернулась, чтобы лицом к лицу встретить предательство. Меч Эвальда ледяным жалом пронзил ее сердце – она уже таяла, но все же неизбежно ощутила это. Опомнилась она уже в других местах, все еще сгибаясь от боли, перехватывающей дыхание.

Прошло немало времени, прежде чем Арафель снова поднялась, оправившись от железного яда и страданий, которые он приносил. Это было действительно опасно: она едва успела отступить вовремя, и даже теплые ветра несли с собой холодный запах железа. Она огляделась, но на прогалине уже не было ни людей, ни животных, лишь смятые поросли отмечали то место, где они только что были. Так он ушел со своим трофеем.

А мальчик... Арафель широкими шагами двинулась сквозь тени и полумрак, подгоняемая тревогой, пока не нашла его, израненного и потерявшегося, в самой чаще Элда.

– С тобой все в порядке? – безмятежно спросила она, скрывая свою тревогу, и опустилась на колени рядом с ним. Она боялась, что рана может оказаться серьезнее тех царапин, которые были видны, – так он сжался, обхватив свою арфу; но он лишь изумленно поднял к ней свое бледное лицо – так бесшумно она очутилась рядом с ним.

– Ты можешь оставаться здесь столько, сколько хочешь, – промолвила она с нотой такого одиночества, с каким свивают деревья свои годовые кольца. – Ты будешь играть для меня, – а когда он все же бросил на нее испуганный взгляд, она добавила: – Новый лес тебе не понравится. У них там нет слуха.

Возможно, она поспешила. Возможно, нужно было подождать. Возможно, люди действительно забыли, кто она такая. Но взгляд его говорил о желании рисковать, доверяя другому.

– Может, и так, – ответил он.

– Значит, ты примешь мое приглашение и останешься здесь. Поверь мне – я редко зову к себе.

– Как тебя зовут, госпожа?

– Какой ты меня видишь? Красива ли я?

Фиан поспешно потупился, и Арафель догадалась, что он не может сказать правду, не обидев ее. Она выдавила из себя смешок.

– Тогда называй меня Фокадан, – промолвила она. – Чертополох – это одно из моих имен, и в нем есть своя правда, ибо я груба и колюча. Боюсь, такой ты меня и видишь. Но все равно оставайся. Ты будешь играть для меня. – Это последнее было сказано с полной серьезностью.

– Хорошо. – Он еще крепче обнял арфу. – Но дальше этого места я не пойду с тобой. Пожалуйста, не проси меня. Я не хочу обнаружить утром, что за ночь прошли годы и весь мир постарел.

– Ладно. – Арафель уселась рядом с ним, обняв руками колени, и откинулась назад. – Значит, ты узнал меня. Но чем тебе могут помешать прошедшие годы? Чем тебе так мил твой возраст? Похоже, время не было так уж добро к тебе. Я думала, ты будешь только рад посмотреть, как оно проходит мимо.

– Я – человек, – промолвил он очень тихо. – И я служу своему королю. И это мое время, не так ли?

Это было так. Она не могла принудить его. Войти в иной мир можно, лишь пожелав того. Фиан не желал, значит, это был конец. Более того, теперь она ощущала глубокое горе в его сердце и холодный привкус железа.

Арафель все еще могла ускользнуть отсюда, махнув рукой на его упрямство. Она заплатила за него непомерную цену, и теперь ей стоило бы отступить и оправиться, даже если по человеческим меркам это займет годы. От арфиста веяло несчастьем. Он разбил все ее надежды. Она чувствовала смертность, и тлен, и слишком много человеческого.

Но она предпочла остаться и утопать в лунном свете, глядя на Фиана. Он прислонился к стволу векового дерева и тоже смотрел на нее, лишь изредка отводя глаза, привлеченный шорохом листьев, и снова возвращался к ней – средоточию всей древности леса, всех опасностей, грозящих куда как большему, чем сама жизнь. И наконец, несмотря на всю его осторожность, взгляд его начал замутняться, и шорохи овладели им и заворожили шепотом листьев и теплом спящего Элда.

V. Охотник

Фиан спал и проснулся лишь на рассвете, моргая и оглядываясь от страха, что деревья могли уже вырасти и умереть от старости, пока он спал. Лишь в самую последнюю очередь его взгляд остановился на Арафели, и она рассмеялась – эльфийским юмор в конечном счете мягок, хотя иногда он и оказывался жесток к людям. Она знала, как выглядит в дневном свете, вид ее был столь же суров, как и растение, именем которого она себя называла. Она казалась загорелой, худой и поджарой, облаченной в лоскутное одеяние из легкой серо-зеленой ткани, и лишь меч оставался прежним. Она сидела, заплетая волосы в серебряную косу, и улыбалась арфисту, который отвечал ей тревожным взглядом.

Вся земля потеплела этим утром. Тучи не застилали солнца в этот день, и оно проникало даже в чащу леса. Фиан протер глаза после сна и открыл свою суму, собираясь позавтракать.

Похоже, в ней мало что было: он вытряхнул кусочек вяленого мяса, с сомнением взглянул на него, разрезал пополам и предложил часть Арафели – располовиненная, эта трапеза была столь скудной, что ее не могло хватить человеку, особенно такому изможденному и голодному, как он.

– Нет, – промолвила Арафель. Даже аромат вызывал у нее отвращение – она не испытывала аппетита ни к человеческой пище, ни к плоти бедных лесных созданий. Но то, что он предложил ей еду, его самоотверженная учтивость растопили ее сердце. Она достала пищу из собственных запасов – дары деревьев и пчел и многое другое, что не вызывало боли у владельцев при заимствовании. Она поделилась с Фианом, и он схватил свою долю с отчаянной жадностью.

– Вкусно, – поспешно заметил он, рассмеялся и быстро покончил с едой. Он облизал все пальцы до последнего, и во взгляде его появилось облегчение – он избавился от голода, от страха и еще от какого-то бремени. Он глубоко вздохнул, и Арафель одарила его более теплой улыбкой, чем намеревалась, – то было воспоминание о другом, более светлом мире.

– Сыграй для меня, – попросила она его.

Он принялся наигрывать для нее нежно и празднично песни, лечащие душу, а потом снова заснул, ибо яркий день в Элдвуде таил в себе сон, когда солнце лило свое тепло сквозь спутанные ветви и воздух висел бездыханно недвижимым. Арафель тоже мирно задремала в смертном Элде впервые с тех пор, как выросло не одно дерево. Прикосновение смертного солнца пролило на нее эту благодать, о которой она давно уж позабыла.

И снился ей сон, в котором высились своды залов из холодного серого камня.

В этом темном сне у нее было человеческое тело, тяжелое и смердящее вином, наполненное страшными воспоминаниями, в нем покоилась такая мрачная сила, что она с радостью сбежала бы от него, если бы могла. Она ощущала ненависть, она чувствовала тяжесть человеческой плоти, дурманящую неуверенность от крепкого питья.

У него была силой взятая жена, у Эвальда из Кер Велла, и имя ей было Мера из Дун-на-Хейвина; и был у него маленький сын, который испуганно бежал от него и прятался наверху, пока Эвальд пил со своими мрачными сородичами и проклинал наставший день. Чем больше он думал, тем сильнее в нем вскипала ненависть, и часто он посматривал на пустые крюки в стене, на которых висела арфа. Его терзала песня, но еще сильнее песни его терзал стыд, ибо эта арфа была родом из Дун-на-Хейвина, как и Мера.

Предательство воспевала она когда-то, убийство королев и бардов.

Так Эвальд сидел и пил свой эль, слыша отголоски арфы. А рука Арафели во сне ощущала его в поисках лунного камня и наконец нашла его висящим на шее Эвальда.

Отдавая камень, она наложила на него чары, так чтобы Эвальд не мог ни потерять, ни уничтожить его. Теперь она предлагала ему более приятные сны, более добрые, по мере того как он начал клевать носом, – ибо камень обладал такой силой. Она бы ниспослала ему мир и исцелила все, что в нем было дурного, маня его назад, в Элд. Но Эвальд к любой доброте относился лишь с горькой издевкой, ненавидя все, что не мог понять.

– Нет, – горестно прошептала Арафель, замерев на грани сна перед огнем в Кер Велле. Она бы протянула руку и сняла камень с этой мерзкой шеи, но она была не властна забрать то, что отдала по доброй воле. И Эвальд защищал свое имущество столь яростно и ревностно, что мышцы сводило судорогой и перехватывало дыхание.

Больше всего он ненавидел то, чем он не обладал и не мог обладать; и средоточием этого были арфист и любовь, которой его одаривали другие, а также его собственное вожеление к Дун-на-Хейвину.

Так что она ошиблась и теперь сама знала это. Она пыталась урезонить его странный замкнутый ум. Но это было невозможно. Его сердце было почти лишено любви, а та малость, что была ему дарована, вся была обращена лишь к себе.

Он предал своего короля, убивал своих сородичей и теперь восседал в краденном замке с женой, которая презирала его. Такова была истина, глодавшая его во тьме, в каменном мешке, называемом Кер Веллом.

Об этом были и его сны, и он лишь крепче сжимал в кулаке камень, не выпуская его – так он понимал власть: держать и не отпускать.

– Зачем? – спросила Арафель Фиана в ту ночь, когда луна заливала светом Элдвуд, земля была тиха и небо чисто, и ничто не угрожало им. – Зачем ты ему нужен? – Ее сны рассказали ей правду Эвальда, но она чувствовала, что у арфиста есть своя правда.

Фиан пожал плечами, взгляд юноши на мгновение показался взглядом старика.

– Вот. – Он прижал к себе арфу.

– Ты сказал, что она твоя. А он назвал тебя вором. Так что же ты украл?

– Она моя. – Он взял ее поудобнее и прикоснулся к струнам. – Она так долго висела в его зале, что он решил, что это его собственность. Струны на ней были обрезаны и мертвы.

– А как она к нему попала?

Фиан перебрал низко звучащие струны, и лицо его потемнело.

– Она принадлежала моему отцу, а до него – его отцу, и они играли на ней в Дун-на-Хейвине перед королями. Она очень древняя, эта арфа.

– Ах, да, она древняя, и смастеривший ее знал свое дело. Королевская арфа. Но как она попала во владения Эвальда?

Светловолосая голова юноши склонилась ниже над арфой, и пальцы его безответно перебирали струны.

– Я заплатила, чтоб он оставил ее и тебя, – промолвила она. – Неужто ты не дашь мне ответа?

Звуки затихли.

– Она принадлежала моему отцу. Эвальд повесил его в Дун-на-Хейвине, перед тем как сжечь двор. За песни, которые слагал мой отец, за правду, которую он пел, о том, как приближенные короля оказались на деле совсем не теми, за кого себя выдавали. Эвальд был ничтожнейшим в его дружине, мелким даже в своем великом злодеянии. Когда король умер, а Дун-на-Хейвин горел, отец спел им свою последнюю песню. И был схвачен ими, то есть Эвальдом, – живым или мертвым, я так и не знаю. Эвальд повесил его во дворе на дереве, а арфу Дун-на-Хейвина забрал себе. В насмешку над моим отцом и королем он повесил ее на стене в своем зале. Так что она никогда не принадлежала ему.

– Посмел повесить арфиста короля!

Фиан не поднял на нее глаз.

– Он делал вещи и похуже. Но с тех пор прошло уже семь лет. И вот пришел я, когда вырос, и начал бродить по дорогам, играя во всех замках. Последним был Кер Велл. Ему – в последнюю очередь. Всю зиму я пел любимые Эвальдом песни. Но на исходе зимы я прокрался ночью в зал и починил арфу, а затем бежал через стену. На вершине холма я вернул ей голос и спел песню, которую он помнил. За это он и преследует меня. А кроме этого, мне больше нечего сказать.

И тихо Фиан запел о людях и волках, и горькой была та песнь. Вздогнула Арафель при звуках ее и поспешно попросила его остановиться, ибо в своих тревожных снах Эвальд услышал ее и завертелся, и, вздрогнув, пробудился в поту.

– Спой теперь что-нибудь более доброе, – попросила она. – Более светлое. Эта арфа не была создана для ненависти – дар моего народа королям людей. Случалось, раньше мы одаривали их, разве ты не знал? Звук ее проникает во все миры Элда – твой и мой, и гораздо более темные тоже. Никогда не пой темных песен. Играй мне светлые мелодии, воспой мне солнце и луну, и смех, спой мне самую светлую песню, которую ты знаешь.

– Я знаю детские песни, – с сомнением ответил он. – И походные песни. И великие песни, но наше время словно создано для темных песен.

– Тогда спой мне песни для малышей, – сказала она, – те, от которых смеются люди, – о, арфист, как мне нужен смех! Больше, чем что-либо иное.

И Фиан сделал, как она просила. Пока луна всходила над деревьями, Арафель вспоминала песни былых лет, которые мир не слышал уже много веков. Она напевала их нежно, а Фиан слушал и подхватывал мелодию на арфе, пока слезы радости не начали струиться по его щекам.

В этот час в Элдвуде не могло случиться ничего дурного: духи недавних времен, что крались, пугали и боролись с человеком, бежали в иные места, не находя здесь ничего знакомого; а древние тени, дрожа, расплзались в разные стороны, ибо они были внимательны.

Но время от времени эльфийская песнь обрывалась, ибо Арафель ощущала прикосновения зла и ничтожности внутри себя и холод пронзал ее, как железо, принося с собой чувство ненависти – так близко, как никогда прежде.

Потом она смеялась, разрушив чары и отогнав их от себя. Она склонилась к арфисту, показывая ему полузабытые песни, но все время ощущая, как где-то там, в долине Керберна, на холме Кер Велла мечется в потных снах человеческое тело. Эвальд чувствовал, как над ним насмеются эльфийские мелодии, пробуждающие эхо и спящих духов.

С рассветом Арафель с Фианом поднялись и немного прошлись, и разделили трапезу, и напились из холодного чистого источника, который был ей известен, пока горячее око солнца не пало на них и не погрузило Элдвуд в знойную тишину.

Потом Фиан безмятежно заснул, а Арафель боролась с навалившейся на нее дремой. И сны пришли ей в этой дреме, ибо настало время грезить ей, когда он, Эвальд, бодрствовал, и бег этих снов ничем нельзя было остановить, как тяжесть опускавшихся век. Они обступали ее все теснее и теснее. Сильные ноги человека сжали круп огромной дикой лошади, руки его сжали кнут, и он безжалостно пришпорил животное. Ей снились лай собак и травля, и бег по лесам и склонам, и яркие брызги крови на пятнистой шкуре, ибо Эвальд кровью стремился стереть кровь, потому что в его памяти все еще звучала арфа, и он помнил... арфиста, и зал, и то, как тот воспевал его службу королю. Он гнался за оленем, но думал о другом. Она вздрогнула от убийства, совершенного ее собственными руками, и ужаснулась страху, стущавшемуся в глазах господина долины, страху, что отражался в глазах его друзей, ложился на бледные лица его жены и сына, когда, запятнанный оленьей кровью, он вернулся домой.

С наступлением вечера Арафель и ее арфист проснулись, и нежные песни разогнали страх и сны. Но все равно воспоминания время от времени охватывали Арафель, и она ощущала боль утраты, и леденящий холод наваливался на нее так тяжело, что рука ее невольно скользила к шее, где прежде висел лунно-зеленый камень. А однажды на ее глазах внезапно выступили слезы. Фиан заметил это и запел еще более веселые песни.

Но музыка не веселила ее, и струны замерли.

– Научи меня еще одной песне, – попросил он, пытаясь отвлечь ее. – Ни один арфист не знает таких песен. И может, теперь ты поиграешь для меня?

– Я не умею, – ответила она, ибо последний настоящий арфист из ее народа давным-давно сгинул в море. Но ответ ее был не совсем правдив. Когда-то она играла. Музыка ушла из ее рук с тех пор, как последний из ее собратьев покинул этот мир, а она пожелала остаться, ибо слишком любила этот лес, несмотря на соседство с людьми.

– Играй, – сказала она Фиану, с усилием пытаясь улыбнуться, хотя железо смыкалось вокруг ее сердца, а господин долины метался в кошмарах, просыпаясь в поту и одержимый призраками.

Это была та самая человеческая песня, которую Фиан заиграл тогда в отчаянии на скале, яркой и дерзкой была она, и Элд откликнулся на нее звоном; и Эвальд, мучаясь бессонницей, завернувшись в меха, задрожал перед очагом, сжимая с ненавистью свой камень и не желая его отпустить, хоть он нес ему смерть.

Но тут запела тихо Арафель – песню древней земли, которую никто не слышал с тех пор, как мир поблек. Арфист подхватил мелодию, которая ведала о земле и берегах, о водах, о приходе человека и изменении мира. Фиан рыдал играя, а Арафель печально улыбалась и наконец умолкла, ибо это была последняя эльфийская песня. Сердце ее посерело и застыло.

Наконец вернулось солнце, но Арафель больше не хотела ни есть, ни отдыхать, она сидела, погруженная в свое горе, ибо утратила покой. Ей снова захотелось вернуться сумеречным путем в свой мир с его более яркой луной и более нежным солнцем. Может, сейчас ей удалось бы уговорить арфиста пойти с ней. Он сумел бы найти путь туда. Но она сама отдала часть своего сердца в залог и теперь даже не могла уйти отсюда – слишком крепко она была привязана к мыслям о камне. Так она отдавалась горю и отчаянию, временами прижимая руку к тому месту, где был прежде камень. Тени шептали, что наступает конец Элду. Но она с древним упрямством отказывалась их слушать, хотя чувствовала обреченность – слишком много не стало, и она стала подвластна даже арфе.

Он снова выехал на охоту, Эвальд из Кер Велла, как только солнце поднялось. Доведенный до бешенства снами и бессонницей, он кнутом выгонял своих людей за ворота, как собак, к лесу – разграблять его пределы, ибо он догадывался об источнике своего рока и звуках арфы во сне. С огнем и топорами он пересек темные воды Керберна, собираясь свалить одно за другим все деревья, пока все не опустеет и не погибнет.

Теперь шепот и шелест леса был пронизан гневом. С севера на Элдвуд и всю долину Кера накатывала армада туч, закрывая собой солнце. Ветер дышал в лица людей, так что ни один факел не был поднесен к лесу из страха, что огонь может обернуться против них же самих; но топоры все равно звенели и этот день, и весь следующий. Тучи обкладывали небо все плотнее, а ветра становились все более пронизывающими, Элдвуд мрачнел и наполнялся сыростью. Арафели все еще удавалось улыбаться по ночам, когда она слушала песни арфиста. Но каждый удар топора заставлял ее содрогаться, и, когда Фиан спал урывками, железное кольцо все плотнее сжималось вокруг ее сердца. Она знала, что рана, наносимая Элдвуду, расширяется с каждым днем и господин долины наступает.

И наконец покой вовсе покинул ее – она не могла обрести его ни днем, ни ночью.

Она сидела, повесив голову, под подернутой облаками луной, и Фиан не мог развеселить ее. Он взирал на Арафель с глубоким отчаянием, а потом сочувственно прикоснулся к ее руке.

Она не сказала ни слова, но поднялась и пригласила арфиста немного пройти вместе с ней. Он повиновался. И злобные твари завоились и зашептались в глубине чащоб и порослей вереска, внушая гнусные помыслы ветрам, так что Фиан то и дело вздрагивал и пятился во тьму, и жался к Арафели.

Силы ее убывали – ей не удавалось заглушить эти голоса, и она не могла заставить себя не слушать их. «Крах, – шептали они, – все бесполезно». И наконец, ухватившись за руку Фиана, она опустилась на стылую землю и прильнула головой к изъеденному, умирающему дереву.

– Что мучает? – спросил Фиан и погладил ее по лицу, и расцепил скрюченные пальцы, раскрыв ладонь, тянувшуюся к горлу, словно ища там ответа. – Что мучает тебя?

Она пожала плечами и улыбнулась, и вздрогнула, ибо даже сейчас в темноте при свете костров и факелов топоры продолжали стучать, и она ощущала, как железо снова вгрызается в лес, сотрясающийся от бесконечного крика, который длился уже много дней; но Фиан был глух к нему – таким уж он был создан.

– Спой мне песню, – попросила она.

– Сердце мое не лежит к песням.

– Как и мое, – откликнулась она. Пот покрывал ее лицо, и он утер его нежной рукой, пытаясь облегчить ее боль.

И снова он поймал и разжал ее пустую руку, тянувшуюся к горлу.

– Камень, – промолвил он. – Ты по нему скучаешь?

Она вздрогнула и обернулась, ибо топоры зазвучали громче и ближе. Он тоже посмотрел в ту сторону и снова перевел взгляд на нее, недоумевая и не слыша ничего.

– На этот раз, – произнесла Арафель, – как только встанет солнце, ты должен отправляться в путь. Новый лес укроет тебя.

– И бросить тебя? Ты говоришь об этом?

Она улыбнулась и прикоснулась к его встревоженному лицу.

– Я достаточно вознаграждена.

– Как вознаграждена? И чем ты заплатила? Что ты отдала взамен?

– Сны, – ответила она. – Всего лишь. Не больше того. Но и не меньше. – Руки ее отчаянно дрожали, а сердце затопил невыносимый мрак – то была ненависть к нему, к себе и ко всему живому, и отгонять ее было все тяжелее и тяжелее. – Ими овладело зло. Он причинит тебе боль – мне это уже снилось. Арфист, пора идти.

– Зачем ты отдала столь ценную вещь? – И крупные слезы потекли из его глаз. – Неужто моя игра стоила этого?

– Что ж, стоила, – ответила Арафель и рассмеялась последним смехом, что оставался у нее, – и вновь зло на мгновение рассеялось, освободив ее. – Я вспомнила, как надо петь и что такое песни.

Он схватил свою арфу и побежал очертя голову, ломая ветви и раздирая о них свое тело; но, к ужасу своему, она поняла, что бежал он не туда, куда надо, а возвращался вновь к долине Кера.

Она пронзительно вскрикнула и поднялась, ухватившись за ветви, – бездумным был этот шаг, не следовало ей идти за ним. Ее руки и ноги, обычно столь легкие в свете луны, сейчас занемели, и дыхание вырывалось с трудом. Колючки с умышленным злорадством цеплялись и не давали ей пройти, а все темные силы, обычно терявшие власть в ее присутствии, громко нашептывали ей теперь о смерти.

А где-то там господин-волк со своими людьми наносил лесу звенящие удары, язва его ядом железа. Тяжелое человеческое тело, которое она, случалось, носила, снова казалось ей естественным, и лунный камень был заточен близ сердца, что билось ненавистью.

Она старалась не спешить и не могла остановиться. Сквозь узкие глаза Эвальда она с безнадежностью глядела, как юный арфист прорывается через заросли. Вздываются луки и топоры. Лают псы и мечутся во всполохах костров.

Фиан, не колеблясь, идет к Эвальду, преподнося арфу и себя.

– Обмен, – слышит она его голос. – Камень на арфу.

Сердце Эвальда в этот миг было так полно ненависти и страха, что она едва могла дышать. Боль пронзила ее до самой глубины души, когда грубые пальцы Эвальда сжали камень. Она ощущала его трепет и отвращение. Ничего бы он никогда не отдал по доброй воле. Но этого камня он страшился и готов был расстаться с ним со свирепым весельем.

– Подойди, – сказал Эвальд и вытянул руку с раскачивающимся и вращающимся камнем, так что ненависть отступила от сердца Арафели.

И к нему прикоснулась другая рука, нежная и полная любви. Она ощутила неожиданный прилив сил и отчаяния и кинулась вперед бежать, спасать...

И тут же боль пронзила ее сердце с последним звоном арфы, с таким всполохом любви и горя, что она, ослепнув и помертвев, вскрикнула и чуть не упала.

Но Арафель не остановилась в своем беге; теперь она скользила, словно тень, ибо тяжесть оставила ее. Под нездешним светом летела она через луга, собирая все позабытое, в мгновение ока то возникая здесь, то снова скрываясь в ином мире.

Лошади ржали в мрачном свете и лаяли псы; ибо теперь она не трудилась выглядеть так, как удобно людям. Лучезарная, как луна, она возникла среди них, и в руках ее был острый серебряный меч, чтобы скрестить его с железом.

Арфа и арфист лежали рядом, разрубленные мечом. Она увидела, как человеческая мелюзга ринулась в стороны от нее, но ей было не до них; Эвальда она искала, подняв свое хрупкое серебряное лезвие. Эвальд изрыгнул проклятие, пришпорил лошадь и ринулся к ней, размахивая мечом, рассекая со свистом ветер. Лошадь взревела и попятилась назад, он снова выругался и опять ее пришпорил. Но первой нанесла удар Арафель, и он взревел от ярости при виде своей крови.

Она тут же отступила в лес. Он бросился следом. Преследование было в его натуре. Она могла бы убежать в иной мир и обмануть его, но она не стала этого делать. Она мелькала и петляла впереди огромной лошади, ломавшей ветви и кусты и мчавшейся за ней по пятам с пеной на удилах.

Жадные тени сгущались с обеих сторон, бормоча и радуясь погоне, которая уходила все дальше в черное сердце леса, ибо они жили по волчьим законам и подобное влекло их к себе. Они все плотнее обступали Эвальда, но не смели его тронуть: она бы не позволила им. А над ними клонились и трещали деревья, и листья, обрываемые ветром, слетали вниз: небеса сотрясались от грома и земля – от грохота копыт, и треск ветвей разгонял тени.

И вот в темноте, меж грома и молний, она обернулась, откинула за спину свой темный плащ, и мелькнула внезапная вспышка света: лошадь осела на задние ноги и упала, а Эвальд покатился по мокрой листве. Животное тут же, содрогаясь, поднялось и, минуя протянутые к ней руки хозяина и угрозы, ломая ветви, загрохотало вниз по сырой земле, разбрызгивая воду какого-то потаенного ручья в темноте; и тогда тени злорадно засмеялись. Арафель в своем истинном обличье стояла в его мире, сиятельная, как серебряная луна. Эвальд выругался и перевернул в руке свой огромный черный меч. Затем он взвыл от ярости и нанес удар.

Она рассмеялась и отступила в иной мир, когда меч обрушился туда, где она только что стояла. И снова она вернулась к Эвальду, и снова ринулась в чашу, принуждая его к преследо-

ванию, пока он не упал от изнеможения и не зарыдал во мраке урагана, забыв даже о своей ярости, ибо тени уже горланили вовсю, мечась среди кренившихся деревьев.

– Вставай, – насмешливо промолвила Арафель и снова возникла перед ним. Ветер перекачивал над ними раскаты грома, а издали доносились ржание лошадей и лай собак.

При этих звуках веселое злорадство блеснуло в глазах Эвальда – он подумал о подмоге; и при свете молнии лицо его озарилось улыбкой, когда он поднял свой меч.

Но лошади были все ближе, и она рассмеялась с эльфийской жестокостью; радостная уверенность Эвальда растаяла, когда копыта прогремели над ними, сотрясая небо и землю, ибо то шла охота иного рода и иного Элда.

И выругался Эвальд, и замахнулся мечом, и сделал выпад, и снова рубанул, чуть не коснувшись ее железом. И вновь занес свое оружие, наступая все упорнее. Она то возникала, то уходила в иной мир, уворачиваясь от клинка, и вдруг, нацелив свой серебряный меч прямо ему в сердце, ударила. Жало молнии раскололось пополам, Эвальд вскрикнул и, ужаленный серебром, испустил дух.

Она не издала ни смеха, ни рыданий; она слишком хорошо познала этого человека, чтобы чувствовать что-либо. Вместо этого она взглянула на небеса, на серые обрывки туч – предвестников грозы, которых гнали иные охотники, прищипывая ветра. И истошный вой сопровождал запоздалый рассвет. И она подняла свой легкий меч, отдавая честь госпоже Смерти, что правит людьми, – многих старых товарищей отыщет волк в ее стране.

Лишь потом печаль охватила Арафель, и она тронулась иным путем к началу и концу своих странствий, где, покинутые всеми, лежали арфист и его арфа, ибо соратники оборотня бежали. Но воскресить нельзя было ни того, ни другую, ибо свет погас в его глазах, а деревянный каркас арфы был разбит в щепы.

Но пальцы его сжимали иное, что сияло в его ладони, как летняя луна.

Наполненный светом, камень был чист и нежен. Она взяла его в руки. Серебряная цепь снова охватила ее шею, и камень вернулся на свое место. Затем, склонившись, она поцеловала Фиана на прощанье и ушла в никуда.

Гроза меж тем разыгрывалась не на шутку.

VI. Выступление в путь

Ураган обрушился на хутор армадой туч и ветром, сгибавшим сучья дуба и срывавшим раннюю весеннюю листву.

А с ним вернулся и Кэвин, спотыкающийся и давно сбившийся с дыхания, он бежал вдоль изгороди, преодолевая сметающий все на своем пути ветер.

Так он подошел к воротам, и юный Эдвульф, вышедший проверить овец, увидел его первым и закричал:

– Кэвин!

Но Кэвин пробежал мимо, держась за бок. Лицо его было в крови. Эдвульф увидел это и, перемахнув через загон, бросился за ним.

И Нэаль увидел его, сначала не признав, а лишь отметив, что в хутор пришел человек: он оставил свою работу в амбаре и кинулся бегом к нему навстречу, как и другие со всех концов хутора – из дома, хлева и от закровов, все в спешке побросав.

Но когда он подбежал к Кэвину, сердце Нэаля перевернулось, ибо он разглядел лук и колчан, и его сухопарую фигуру, и свежий шрам на его небритом лице, и кровь, стекавшую из многих ссадин.

– Кэвин! – сказал Нэаль и подхватил того на руки. – Кэвин!

Кэвин рухнул на колени, и Нэаль опустился рядом, не выпуская его из своих рук и дожидаясь, пока тот отдышится. Худое бледное лицо, блестящее от пота и залитое кровью, вновь поднялось. В волосах и бороде запутались грязь и трава от многочисленных падений.

– Господин, – вымолвил Кэвин, – он мертв, Эвальда не стало.

Нэаль смотрел с непонимающим видом, а Кэвин сжимал его руки, пока подходили остальные.

– Мертв, – промолвил Нэаль, но дальше так ничего и не понял. – Но ты вернулся, Кэвин... ты отыскал путь.

– Ты слышишь меня, Кервален, он мертв. – Кэвин даже нашел в себе силы, чтобы встряхнуть Нэаля. – Кер Велл остался без хозяина – настал твой час, твой час, Кервален. Он ушел в лес и не вернулся; он схватился с волшебным миром и никогда уже он не вернется назад.

– Фиан... Он с тобой?

– Арфист мертв. Эвальд убил его.

– Сын Коэннаха.

– Послушай меня. Сейчас или никогда. Люди ждут тебя...

– Арфист мертв.

– Кервален, неужто ты оглох? – И слезы заструились по лицу Кэвина. – Я вернулся за тобой.

Нэаль стоял на коленях в пыли. И Барк, подойдя сзади, положил свои большие руки Кэвину на плечи. Уже собрался почти весь хутор, и люди продолжали подходить – одни стояли, другие опускались на колени, а последние приближались так бесшумно, что тишина сгущалась в ужасном, напряженном ожидании.

– Скажи мне, где и когда, – попросил Нэаль. – Расскажи мне все с самого начала.

– Время от времени... – Кэвин отдышался, опустив руки на колени, – мы встречались, сын Коэннаха и я. Фиан Финвар. Сначала на дороге, когда я ушел вслед за ним. Потом мы простились. И он лишь посылал мне весточки – как у него шли дела и где. Он провел зиму в Кер Велле, как и собирался, а я – я собрал старых друзей, мой господин, знакомых тебе людей. Я не терял времени даром – на дорогах и в холмах, и в излучинах реки: я был в Донне и в Бане, и в прочих подобных местах, я посылал людей в Кер Лел.

– ...Сбирая их моим именем?

– А что иное смогло бы их поднять? Да, твоим именем. Но мы вели себя тихо, господин, и немного совершили во имя твое, получая вести от арфиста из самого Кер Велла, когда ему удавалось пересылать их нам. А потом он покинул замок – бежал, и Эвальд шел по пятам за ним, потом пришло известие, что он мертв, убит, а Эвальда не стало позже – он погиб лишь сегодня утром. Наш человек проезжал мимо его лагеря и принес известие, что люди Эвальда считают его мертвым, опасаясь сообщить о дальнейшем... при такой грозе... – Кэвин перевел дыхание и снова схватил Нэаль за руки. – Сегодня днем они вернутся в Кер Велл обездоленными и лишенными вождя; Кер Велл снова твой. Теперь ты не можешь отрицать этого. Люди готовы идти за тобой – Фиграл и Кадок, Друв и Оган, и многие другие...

– Ты не имел права! – Нэаль стряхнул с себя руки Кэвина и встал, расправил плечи, расчищая вокруг себя пространство, и замер под напряженными, изумленными взглядами собравшихся – Лонна и других. Он обернулся, чтобы посмотреть на Барка, навстречу завывающему и хлещущему ветру, от которого слезились глаза. И наконец он вновь перевел взгляд на Кэвина, который взирал на него снизу вверх, израненный и потрепанный, покрытый такими шрамами, от которых его уберег бы хутор, не знавший никогда войны, и сердце Нэаля содрогнулось, и покой покинул его безвозвратно. То был не удар грома, хоть раскаты его и были слышны, то было внезапное прозрение, что жизнь и смерть шли в мире без него, что люди жаждали того же, что он сам когда-то любил. Нэаль почувствовал себя обделенным, ибо в грозowych сумерках все показалось ему менее прекрасным, чем прежде. Вокруг хутора лежала мгла, которой он прежде не замечал. На лицах обитателей виднелись пятна и изъяны, которых раньше тоже он не видел. И слезы хлынули из его глаз, и ветер сдувал их со щек.

– Ну что ж, нам пора в путь, – промолвил он и помог Кэвину подняться. Непросто было посмотреть в глаза остающимся, но он должен был это сделать – взглянуть в спокойное лицо Барка, чью рыжую гриву трепала буря, и на Эльфреду, чьи золотые косы оставались неподвижны даже при сильнейшем ветре, на Шелту и непоколебимого Лонна, на Скагу, чье узкое личико за прошедшие годы оформилось уже почти в мужское.

– Мне надо позаботиться кое о чем, – сказал им Нэаль. – Как волку и лисам, пришло свое время. И ланка ушла. Теперь в холмах они будут охотиться друг на друга.

– Тебе понадобится пища, – промолвила Эльфреда.

– Если вы позволите, – прошептал Нэаль и взглянул на Барка, – если вы позволите... Банен...

– Не сомневаюсь, что она понесет тебя, – ответил Барк. – А если она согласится, то пусть делает, что хочет.

– Мне нужен мой меч, – сказал тогда Нэаль и отвернулся, не в силах больше смотреть на Барка и Эльфреду. – Пойдем в дом. – Он обхватил Кэвина за плечи. – Там есть хлеб и эль.

И они пошли. Слева от Нэаля оказался Скага, а справа – Кэвин, и он положил свою левую руку на плечо Скаге, но юноша опустил голову и ничего не сказал ему, совсем ничего, а гром все грохотал над хутором, и ветер срывал охапками молодые листья с дуба.

Они вошли в дом – в тепло и деловую суету, где были питье и хлеб, и остальное, необходимое, чтобы насытить двоих и более людей. Нэаль подошел к камину и взял из угла свой меч, но он не стал вынимать его из ножен и осматривать клинок. И ножны, и перекрестие были покрыты пылью. Возможно, в него пробралась и ржавчина здесь, у очага. Но мужчина не посмел бы обнажать меч в доме Барка и Эльфреды. Дермит принес ему остальные вещи, которые были при нем, и вместе со Скагой, Лонном и Дермитом он занялся сборами, пока Кэвин, дрожа от усталости, крошил и клал в рот пищу. Плаща у Нэаля не осталось, поэтому он надел свою старую теплую куртку, повесил пыльный меч через плечо и вышел на пронизывающий ветер искать Банен в амбаре.

– Я пойду с тобой! – закричал ему вслед Скага, тоже выходя из дома.

– Нет, – откликнулся Нэаль. – Оставайся в тепле. Помоги Эльфреде. Я не уйду, пока не повидаюсь с тобой. Оставайся внутри.

Раздался раскат грома. Нэаль повернулся и побежал, минуя ворота, вниз по холму к амбару и скорее внутрь, где можно было укрыться от ветра и где тепло пахло сеном и лошадьми.

– Банен, – прошептал он, подходя к ней в полумгле конюшни. Он принес уздечку, которая была на ней, когда она пришла к хутору. Нэаль потрепал лошадь по шее, а в ответ она ткнулась ему в грудь, и стоявший рядом пони тихонечко заржал.

– Банен, – повторил он, – Банен.

– Жестокий, – пропел тоненький голосок.

Он обернулся, став спиной к кобыле. На пони сидел Граги и посматривал на него сквозь прутья соседнего стойла.

– Жестоко брать Банен. Жесток Кэвин, уводя своего господина. Ибо есть ли где мир и покой, человек? Никогда его не будет для Кэвина, никогда его не найдет Банен, нигде его не отыщет Кервален. О, не уходи!

– Если бы я мог. – Нэаль успокоился и снова начал поглаживать Банен. Руки у него все еще были холодны от ветра. Он просунул узду в рот Банен и заправил ей за уши удила. Она повернула голову и мягко подтолкнула его в грудь, всхрипнув, когда темная фигура вдруг опустилась перед ними на перекладину.

– Не уходи, – повторил Граги.

– У меня нет выбора.

– Выбор есть всегда, всегда. О человек, Граги предупреждает тебя. – Он поерзал и сжался в комок на перекладине. – Злой Кэвин, злой.

Нэаль взялся за узду, и Банен попятилась, покидая свое теплое уютное жилище. Граги последовал за ними, стремительно скатившись по соломе: он выбрался на свет, лившийся из полуоткрытой двери, весь в соломенной трухе, и снова закачался, обхватив себя руками.

– Не уходи.

Печаль нахлынула на Нэаля. Он никогда не испытывал таких чувств к Граги, но он знал, что там, куда он отправляется, нет ничего похожего на это существо, во всем холодном и враждебном мире. Граги показался ему маленьким и сморщенным, и куда более испуганным, чем страшным. Нэаль протянул к нему руку, как к ребенку.

– Граги, береги людей, которых я люблю. И это место. Я пробыл здесь слишком долго.

Граги чуть прикоснулся к его руке кончиками пальцев, совсем едва, и склонил голову набок, и взглянул на него снизу вверх, потом вздрогнул и, взлетев на бочку с яблоками, обхватил голову руками.

– Она видит, она видит, – запричитал он, – о, страшное лицо, ужасный блеск ее глаз, она все видит!

– Кто? – спросил Нэаль. – Кто видит?

– Она проснулась! – воскликнул Граги, глядя между пальцев. – Она проснулась, проснулась, проснулась! И арфа королей разбита. О, страшный меч, злой острый меч! О, не ходи, человек, о человек, Граги предупреждает тебя – не ходи!

– Кто это она?

– В лесу, глубоком и недвижимом. Туда пришла арфа, ибо должна была прийти. Как и все, принадлежащее Элду. Берегись, о, берегись Донна!

Гром прокатился, бормоча, над ними. Банен вскинула голову.

– У меня нет выбора, – вздрогнув, повторил Нэаль. – И никогда не было. Прощай.

Он распахнул дверь и вывел Банен на улицу. Он собирался закрыть амбар, чтобы пони было спокойнее, но Граги стоял на пороге. Нэаль вскочил на спину Банен и тронулся к дому, откуда ему навстречу выходили люди.

Так ему и не удалось снова вернуться в дом. Он чувствовал, что его обделили, отняв даже эти последние мгновения. Ветер завывал и хлестал Нэаль и Банен, которая плясала в волнении под ним, недовольная погодой и громом; но дождь так и не пошел. Послышался чей-то вой. Но то был не ветер. Нэаль оглянулся и увидел на крыше амбара бесформенную шапку волос – то был Граги.

– Человек, – причитал он. – О человек!

И тут подошли остальные – и Кэвин, и Барк, и Эльфреда, и все другие.

– Вот, – промолвил Нэаль, соскакивая со спины Банен. – Садись, Кэвин. Ты устал.

Кэвин упрямо отказывался, но после долгих препирательств Нэаль все же подсадил его на лошадь и взвалил на собственные плечи мешок с провизией, приготовленный для них Эльфредой. Он поцеловал ее в щеку и пожал руку Барку. Он оглядел всех подряд, но черты их лиц словно отдалялись, ускользая от него, унося с собой его привязанность, – и Нэаль не знал, как удержать ее.

– Скага, – произнес он, не досчитавшись одного. – Где Скага?

Все принялись оглядываться, но юноши нигде не было видно.

– Он был со мной, – сказала Шелта, – всего мгновение тому назад.

– Он грустит, – заметил Лонн.

И Нэаль лишь тяжело покачал головой, все понимая.

– Пойдем, – сказал он Кэвину, поправляя ремни мешка у себя на плечах. – До свиданья, – промолвил он. – До свиданья.

– Прощайте, – ответил Барк. – Благословил бы вас, да что мои благословения.

И тогда Нэаль повернулся и зашагал рядом с Кэвином, восседавшим на Банен. Ветер обрушился на них, но из черных туч так и не упало ни капли дождя. Трава и нежные колосья лежали волнами, и в небесах то и дело вспыхивала молния. Нэаль оглядывался не один раз и махал рукой, но фигуры людей становились все туманнее в шквалах урагана, налетевшего на хутор. На душе у Нэаля становилось все тяжелее и тяжелее, и ноги словно налились свинцом.

– Берегись, – прохныкал тоненький голосок с вершины холма справа от него. – Берегись. – То был Граги, сидевший на камне, среди моря бушующей травы. – О человек, в этих тучах необычный дождь.

– Что за дрянное создание, – пробормотал Кэвин.

– Будь добр, – заметил ему Нэаль. – О Кэвин, говори лишь добрые слова.

Но Граги уже исчез, и камень опустел. Банен тряхнула головой и принялась к ветру.

– Послушай, господин, она выдержит двоих, – сказал Кэвин. – Садись со мной.

– Нет, – ответил Нэаль. В последний раз он оглянулся, но между ним и остававшимися уже вздымался холм – он помахал рукой, но этого уже никто не видел. Отчаяние и одиночество охватили его, ветер швырнул в лицо ему пыль, и, на мгновение ослепнув, Нэаль принялся тереть глаза, не останавливаясь. Прочистив их, он снова обернулся, щурясь при порывах ветра.

Изгородь еще не должна была скрыться из виду. Но теперь вокруг была только бушующая трава.

– Кэвин, – промолвил Нэаль. – Изгородей не видно.

Кэвин оглянулся, но не проронил ни слова. И снова Нэаль протер глаза, чувствуя в костях пронизывающий холод, так, словно ветер наконец-то пронял его. «Кэвин нашел дорогу назад, – подумалось ему, – Кэвин пришел, как арфист, даже не догадываясь, как это трудно, из-за того что ему нужен был я». И вдруг его охватило нетерпение, тупое и слепое нетерпение вернуться к миру, увидеть Огана, Дру и всех других, кого он знал, – кровавые имена кровавых лет, его лет с королем...

В Кер Велл, домой, что бы от него там ни осталось...

– Нэаль! – слышался с холма ломающийся голос, заглушаемый ветром. – Кэвин! Нэаль!

– Скага, – догадался Нэаль, и сердце у него перевернулось. – Нет, Скага, нет!

Но мальчик уже бежал к ним – мальчик? Нет, то был почти мужчина. Он сбежал с холма и догнал их – и ребра его ходили ходуном, так он запыхался.

– Вернись, – сказал Нэаль, встряхнув его за плечи.

– Я пойду с тобой, – спокойно ответил Скага, – господин.

И Нэаль обнял его, ибо больше ничего не оставалось делать. Кэвин слез с Банен и обнял его тоже.

И дальше они пошли, спускаясь меж холмов, – Кэвин в основном верхом, а двое других вприпрыжку рядом.

– Мы встретим их у реки, – сказал Кэвин. – Там.

VII. Мера

Женщины горевали в Кер Велле – то было тяжелое горе без смысла и надежды. Охотники вернулись вечером домой без добычи и без своего господина, исцарапанные, порванные и напуганные долгим блужданием в лесу. Теперь молчаливой, смущенной толпой они сидели в зале, не поднимая глаз от стола, и пили эль. Лишь один плакал, уронив голову на руки. Единственный.

В своей комнате наверху сидела Мера, обняв малолетнего сына, склонившего свою темную головку к ней на колени – нет, он не спал, а лишь дремал от страха и усталости. Мера сидела молча и неподвижно, так что единственная служанка, оставленная ей, не осмеливалась ни шелохнуться, ни задать вопрос.

– Они вернулись домой одни, – наконец промолвила Мера, когда мальчик заснул. Она взглянула на высокое узкое окно, за которым стояла ночь и все еще неистовствовал ураган. – И они не поднялись наверх. Значит, они еще не уверены, что он мертв. – Она погладила головку сына и взглянула на юную Кали – служанку, которая делала вид, что шьет. В глазах ее застыл неистребимый страх. В ту ночь в Кер Велле не было иного закона, кроме страха. Неестественный гром, рокотавший весь день, сотрясал и крушил древние камни. И наконец хлынул дождь – обычный проливной дождь. Кали взглянула вверх, сквозь потолок, и испустила судорожный вздох. Как будто долго удерживаемое дыхание вырвалось из ее губ, как и у всей природы, не дышавшей весь день. Мальчик приподнял голову.

– Тихо, – сказала Мера. – Это всего лишь дождь.

– Он не вернулся? – спросил мальчик.

– Тихо, нет, не шуми. Хочешь, я возьму тебя на руки?

Он потянулся к ней. Мера подняла его к себе на колени.

Ему было уже пять лет, и обычно из гордости он не позволял брать себя на руки, но она обняла его и стала медленно укачивать.

– Госпожа, – попросила Кали, – позволь мне.

– Нет, – ответила Мера. И Кали осталась сидеть, она опустила голову и принялась распускать неровные стежки, сделанные дрожащей рукой во время раскатов грома. Дождь струился по стенам замка, шурша и барабанил, и деревья вздыхали на берегу Керберна. То и дело порывы ветра раздували шторы, колебля пламя лампад и свечей, но дитя продолжало спокойно спать. Снизу из зала донесся звон металла, но потом все снова стихло, оставив лишь шум дождя.

– Они не идут, – повторила госпожа Мера тишим из голосов лишь для ушей Кали. – Но завтра, если он не вернется домой, они поднимутся сюда.

– Госпожа, – прошептала Кали, – что нам делать?

– Мужаться, как и прежде, – ответила госпожа Мера и посмотрела на своего спящего сына, разглаживая рукой черную шапку его волос. Он еще крепче сжал свой маленький кулачок на ее рукаве. Он никогда не отличался здоровьем, сын Эвальда, зато был быстр и догадлив. – Тихо, что мы можем сделать? Да и когда мы могли? Но, если ты сможешь, ты должна будешь бежать с ним, понимаешь?

– Да, – еле слышно промолвила Кали, и голубые глаза ее стали круглыми. – Я знаю. – Обе все понимали. И Мера нежно ласкала своего спящего сына, хорошо зная людей, сидящих внизу, и не сомневаясь, что скоро в одном из них разыграется честолюбие, и тогда у мальчика не останется ни единой возможности остаться в живых, как и у любого, в чьих жилах текла кровь Эвальда. И возможно, это случится еще до наступления рассвета. Там был Бертрам и другие, подлые, кровожадные люди, кровожадные и дикие, как и их господин... и с каждым часом

они хмелели все больше. Чаши внизу наполнялись снова и снова, и трусы восстанавливали храбрость, потерянную ими в лесу.

Из далекой тьмы, под стенами послышался цокот копыт.

Мера приподняла голову и прислушалась сквозь гром, вой ветра и дождя.

– В стороне от дороги, – прошептала Кали. – Из-под стен, не у ворот.

Цокот все приближался, казалось, звучал уже под самыми окнами и был отчетлив теперь, несмотря на грохот воды и шуршание листьев. На мгновение он словно затих и вновь раздался, сопровождаемый раскатами грома.

– О, госпожа, – выдохнула Кали, сжимая талисман на шее, – то, верно, феи.

– То лошадь моего мужа вернулась домой, – промолвила Мера, и взгляд ее был холоден и устремлен вдаль. – Она может кружить всю ночь, но они не откроют ворот, нет, им страшно. Тихо, – сказала она, ибо мальчик зашевелился во сне, и она вновь закачала его, крепче обняв. Лошадь снова процокала рядом и замерла.

– Феи, – настойчиво повторила Кали, когда звук возобновился. – О госпожа...

Но лошадь ушла во тьму, и внизу, в зале, никто не открыл и не закрыл дверь: никто не вышел взглянуть. И звуки копыт замерли, и в зале было тихо, и дождь начал ослабевать. Снизу не доносилось даже шагов. Изможденное дитя спало в объятиях Меры, и Кали перестала дрожать. Вздвухалась и хлопала штора, растрепанная ветром, который тоже теперь стихал. Мера указала на нее рукой, и Кали с ужасом поднялась и, приблизившись к темному окну, привязала штору, затем по очереди начала подрезать фитили – такое мирное и уютное занятие в доме, таящем убийство.

– Поспи немного, – сказала Кали, покончив с лампадами, и протянула шаль. Мера жестом попросила накрыть ею мальчика, и ненадолго на них снизошел покой. Кали заснула в кресле, которым они задвинули дверь, бессильно опустив руки на колени, а голову повесив на свою полную грудь.

Но Мера все время была настороже, прислушиваясь к дождю, который уже растратил весь свой пыл. В ее глазах не было слез – было не время. «Они остались в дне вчерашнем, – думала она, – а те, что не выплаканы, надо приберечь для дня завтрашнего». Будь окно чуть пошире, она бы подумала о побеге, о том, чтобы сплести всю имевшуюся у них одежду в канат и спуститься по нему вниз. Но оно было слишком узко для кого бы то ни было, разве что кроме ее сына. Отчаянно она размышляла над тем, чтобы дожидаться, когда те внизу уснут, попытаться пересечь зал и бежать. Но тогда им пришлось бы миновать охрану, а та может оказаться менее пьяной.

Возможно, ей удастся выиграть время для сына, хоть немного времени, и мудрая Кали, верная Кали, простая деревенская женщина, не столь омертвевшая, как она сама, сумеет их спасти. Или вдруг Кали удастся как-нибудь пробраться за ворота, и тогда она передаст ей мальчика.

А может, ее господин все же вернется домой – в нем был залог спасения хотя бы от худшей участи, чем та, что он являл собой сам. И эта надежда лишала ее мужества, ибо из башни был один лишь путь – через зал и мимо захмелевших воинов.

Она могла бы изобразить горе по своему господину, но каждый, кто хоть немного знал ее, лишь посмеялся бы над этим; а даже если б оно было искренним, оно не вызвало бы почтения с их стороны.

Они могли передраться между собой – таков был их обычай, если бы некому было их остановить; и то была единственная отсрочка, на которую она могла уповать – возможно, лишь день, чтобы спасти сына. Но победителем из этого состязания выйдет самый кровожадный.

Где-то вдали раздался приглушенный звук открываемой двери. Мера услышала и содрогнулась в холодном предрассветном воздухе, сжимая занемевшими руками своего сына. «Он

вернулся, – бездумно мелькнуло у нее в голове. – Окровавленный и свирепый, он все же добрался до ворот».

Но она не была уверена в этом. Любую надежду на спасение она подвергала сомнениям, кроме Кали, спокойно спящей у дверей. Она взглянула на лицо сына. Непослушный локон снова упал ему на щеку. Но она не осмелилась шевельнуться, чтобы убрать его, боясь разбудить мальчика. «Пусть спит, – подумала она, – о, пусть он спит. Он будет меньше бояться, если выспится».

Снизу, из оружейной, послышался топот ног. «Так, значит, это он, – подумала Мера, и холодок пробежал по спине, – он поднимается со сторожем или еще с кем-нибудь, кого разбудил внизу. Мы спасены, мы спасены, если только не будем шуметь». Ибо она знала в глубине своего сердца, что, если негодяи оставили своего господина в лесу живым и без лошади, за этим последует жестокая расплата.

Затем послышались звон стали, возгласы, удары и предсмертные крики.

– Ах! – воскликнула Мера и прижала к груди перепуганного сына. – Тихо, не надо, тихо-тихо.

– Наверное, сам, – всхлипнула Кали, прижав руку к губам. – О, он вернулся!

Крики, удары и вопли еще усилились. Мальчик дрожал в объятиях Меры, и Кали, подбежав, обняла их обоих и тоже дрожала вместе с ними.

– Нет, то не он, – промолвила Мера, различив голоса, и сердце у нее похолодело. Кто-то поспешно поднимался по лестнице. – О, Кали, дверь!

Запор был задвинут, но его никогда нельзя было назвать надежным. Кали бросилась к креслу, стоявшему перед дверью, чтобы придвинуть его, но дверь распахнулась перед ней, и кресло отлетело к стене. На пороге стояли окровавленные люди с обнаженными мечами в руках.

Заслонив от них Меру, Кали замерла перед ними.

Последним в дверь вошел узколицый воин в пастушьей куртке. У него не было никаких знаков и фамильного оружия, он отличался лишь спокойствием, которого не знал Кер Велл. Волосы у него были длинными и серебрились от седины, а худое лицо исчертили шрамы. За его спиной стояли суровый широкоплечий воин и рыжеволосый юноша с рассеченным лбом.

– Госпожа Мера, – промолвил пришелец. – Успокой свою защитницу.

– Кали, – сказала Мера. И Кали отошла к стене, плотно сжав губы и не спуская встревоженных глаз с мужчин. Под передником она сжимала кинжал, которого никто не видел.

Но высокий незнакомец подошел к Мере и опустился на одно колено, придерживая согнутой рукой свой окровавленный меч.

– Кервален, – неуверенно проговорила Мера, ибо лицо его постарело и изменилось.

– Мера, дочь Кенарда. Ты овдовела, не знаю, огорчит ли тебя это известие.

– Не знаю, – ответила она, и сердце ее бешено забилося. – Это ты мне должен сказать.

– Это мое владение. Мой двоюродный брат убит, хотя и не моей рукой, чего не скажешь о его соратниках. Кер Велл в моих руках.

– Как и мы все, – заметила она. Все промелькнуло перед ней – безопасный путь за ворота и безнадежные скитания потом. – У меня может быть родня в Бане.

– Бан колеблется от каждого дуновения ветра. И чего от него ждать тебе, волчьей вдове? Искать укрытия в Ан Беге? Дружья оборотня ненадежны. Я говорю – Кер Велл мой, и я намерен защищать его. – Он протянул руку к мальчику, который отпрянул от него, вцепившись в рукав матери. – Это твой?

Она так и не позволила себе заплакать. Сдержала слезы она и теперь, когда огромная, измазанная кровью рука протянулась к ее сыну, к ее дитяти.

– Он мой, – ответила она. – Эвальд ему имя. Но он – мой.

Рука помедлила и опустилась.

– Я ничего не сделаю наследнику Эвальда, но буду относиться к нему как к сыну, и его мать, если она останется в Кер Велле, будет в безопасности.

С этими словами он поднялся и подал знак своим людям, большинство из которых уже удалилось.

– Охраняйте эту дверь, – распорядился он. – Пусть никто не тревожит их. Они невинны. – Он еще раз оглянулся, не выпуская из рук окровавленного меча, ибо его нельзя было убрать в ножны. – Если мой двоюродный брат вернется домой, его ждет суровый прием. Но я думаю, он не придет.

– Нет, – подтвердила Мера и вздрогнула. И впервые за все это время по щекам ее заструились слезы. – Удача покинула его.

– В Кер Велле с ним не было удачи, пока он владел им, – сказал Нэаль Кервален. – Теперь я буду владеть им со своей доброй судьбой.

Мера плакала, склонив голову, ибо больше ей ничего не оставалось делать.

– Мама, – прохныкал ее сын, и она прижала его к себе, утешая, а Кали подошла и обняла их обоих.

– Не стоит спускаться в зал, – сказал Кервален, – пока мы не очистим его. – И он вышел прочь, даже тень улыбки не тронула его уста. А Мера смеялась, смеялась так, как уже не думала, что умеет.

– Свободны, – говорила она. – Свободны! О Кали, это Нэаль Кервален, защитник короля! Он очистит зал! Пусть получают они по заслугам. Когда-то я знала его – много-много лет тому назад; настало утро, наша ночь прошла.

И робкая надежда забрезжила во взгляде Меры, потаенная, неуверенная надежда, как любое упование в Кер Велле, ибо оно искажалось и становилось орудием мести. Она забыла, что юный арфист Фиан мертв, забыла о своей почти любви к нему, ибо Мера все еще была молода, и арфист тронул ее сердце. Она забыла обо всем, возложив всю свою надежду на Кервалена. Таков был характер племянницы бывшего короля, которая научилась выживать в житейских бурях, ибо она умела отыскивать спокойные заводи.

– Мама, – промолвил ее сын, он всегда мало говорил, этот юный сын Эвальда: он тоже научился спасаться, несмотря на свой юный возраст, а спасение его было в молчании и в том, чтобы крепче держаться, не отпускать единственную свою защитницу. – Он придет?

– Никогда, никогда он не придет, сынок, – ответила Мера. – Этот человек убережет нас.

– Он весь в крови.

– То кровь всех негодяев Кер Велла. Он никогда не обидит нас.

И она закачала своего сына, но силы вдруг оставили ее, и Кали пришлось подхватывать на руки их обоих. И все же Мера продолжала смеяться.

С приходом летнего тепла в Кер Велле сыграли свадьбу. В замке появились новые лица – худые суровые воины, но говорили они спокойными голосами и были учтивы, и многих из них Мера знала еще в юности, и те из них, кто еще мог улыбаться, улыбались ей. Кое-кто и из старых людей остался в Кер Велле, но худшие погибли или бежали, а остальные исправились; и еще многие пришли к замку, даже фермеры, надеявшиеся на землю, которую они и получили – всю, что была под паром. Было несколько родичей Нэаля, хоть и мало; с холмов пришел пестрый народ, суровый и не терпящий, чтобы ему перечили. Был здесь и Кэвин, охромевший после сражения, и долговязый Скага, и мрачный бешеный Дру с южных холмов. Но какими бы они ни были, они подчинялись закону, а слухи о зловещей смерти оборотня разнеслись далеко, так что Ан Бег и Кер Дав лишь глухо ворчали, не испытывая желания шутить с лесом и его силами. На них тоже обрушился ураган. А посему они решили закрыть дорогу и запереть Кер Велл, словно его и не существовало.

Так Мера, убранная цветами и тихая, как всегда, вышла замуж и стала женой Нэаля, госпожой Кер Велла.

И мальчик Эвальд научился ходить по пятам за Нэалем, Кэвином и Скагой, и к нему вернулись игры и смех.

– Он – твой сын, – говорил Нэаль Мере, зная, что радует ее. – И моего двоюродного брата, и кровь королей в нем течет от тебя.

Но временами он замечал и другое, когда мальчик обижался и злился. И тогда вдвойне Нэаль был терпелив с ним, потому что сердце его таяло, когда мальчик смеялся или когда, несмотря на усталость, он следовал за ним, подстраиваясь под шаги взрослого мужчины. Он всюду сопровождал Нэаля – на стены, вверх и вниз, в конюшни и кладовые. Одно слово Нэаля могло зажечь его глаза и погасить в них свет, и не было конца его обожанию.

Так мальчик рос, и, когда Скага при необходимости таскал его за уши, тот лишь хмурился; только Нэаль мог вызвать у него слезы. У него был пони для верховой езды – косматое животное, спасенное с мельницы, которое отъелось и превратилось в веселую и хитрую лошадку, приплясывавшую рядом с Банен на летних прогулках. Эвальд вырос из всей своей одежды к зиме, и все рукава надо было выпускать, а талии занижать, чем и занималась Кали. А зимними вечерами он слушал рассказы воинов.

Но никогда и слова не говорилось об Элде: всякий раз, как о нем заходила речь, Мера вздрагивала и прижимала к себе сына, и тогда Нэаль запретил рассказы о нем.

Мера родила ему дочь – белокурую голубоглазую девочку, а затем еще одну. Так что у Нэаля не было сына, о чем он если и задумывался, то не печалился, ибо его счастливая судьба принесла ему двоих сыновей: Скагу, ставшего широкоплечим мужчиной, крепким молодцом, который однажды сумел даже отразить нападение Ан Бега, выучился воинскому искусству и участвовал в затяжной тяжелой войне, и Эвальда, достигшего юности, своего наследника, ибо Скага не помышлял о власти. А Эвальд, Эвальд легко относился к тому, что замок был его... ибо он был самоотвержен и горд в своей преданности, он научился быть мягким и отдавать все свое сердце тем, кто дарил его своей милостью, ибо так говорил ему Нэаль.

И были у Нэаля две дочери, и любил он их всем сердцем, и они получили пони Эвальда, когда тот вырос. Эвальду же он дал последнего жеребенка Банен.

Кэвин умер – и это было самое сильное горе, постигшее Нэаля в течение этих счастливых лет: он просто упал – хромая нога подвела его на лестнице. Так Кэвин заснул в сердце Кер Велла, приняв мирную смерть, о которой даже не мечтал.

Деревья за рекой снова выросли. Снег падал и стаивал весной, и в Кер Велле началось строительство новой башни, ибо, сказал Нэаль, никто не знает, какие могут настать времена. Он думал о короле, который теперь вступал в возраст мужчины, и о будущих войнах, которые он уже не увидит, ибо старость подступала к нему. Волосы его совсем поседели, и настал день, когда ему пришлось отослать Банен, ибо она слабела, и он не мог более делать вид, что годы не сказываются на них. Он велел Скаге отвести ее на волю и отправил с ним еще отряд воинов, словно пегая кобыла была важной персоной. Им предстояло миновать дорогу, удерживаемую Ан Бегом: что они и сделали без малейших препятствий со стороны Ан Бега, который, наученный горьким опытом, предпочитал лишь наблюдать, не вмешиваясь.

Так Банен свободно ушла вверх по лощине.

– Она убежала, – с горящими глазами рассказывал потом Скага. – Сначала, казалось, она не уверена, но потом она вскинула голову, задрала хвост и побежала туда, куда пошла бы в молодости. Я потерял ее из виду меж холмов. Но она знала дорогу. Я в этом уверен.

– Ты бы и сам мог последовать за ней, – сказал Нэаль, и слезы заблестели в его глазах.

– Как и ты, – ответил Скага. – Здесь у меня жена, мой сын и мой дом.

– Ну-ну, у Банен здесь тоже был дом, – он поджал губы. – Как и у меня, как и у тебя, что правда, то правда. Наступает время, когда мы должны расставаться даже с любимыми.

– Господин, – промолвил Скага, и на его волевом лице отразилась тревога, – ты сам не свой из-за этой кобылы. Ты прав: время ее пришло, но твое еще нет.

– Кэвин ушел. Его ни с кем не связывали узы, надо было мне его послать туда.

– Он никогда бы не бросил тебя.

– Он никогда бы не бросил Кер Велл, – поправил Нэаль. – Он любил эту землю и эти камни, и теперь он спит среди них. У меня есть Мера и Эвальд, и мои дочери... и жеребец, что принесла мне Банен, но какая же крепкая она лошадь. Я и вполтину не любил ее так, как должен был бы.

– Мы поедем завтра на охоту, господин, чтобы исправить твое настроение.

– Сказать по правде, я никогда не находил в ней радости. Она напоминает мне о другом.

– Тогда мы просто будем скакать верхом и предоставим оленям делать то, что им нравится.

– Пусть так. Да, – сказал Нэаль и устремил взгляд на угли в очаге. Над очагом выступала каменная голова волка. Он так и не убрал ее.

VIII. Удача Нэаль Кервалена

Времена года сменяли друг друга. Долго, уже очень долго царил мир, ибо юный король, по слухам, жил в холмах, и хоть люди и хорошо отзывались о нем, его день еще не настал. И старели предатели, на которых лежала вина, и верные воины тоже старели.

– Ты должен будешь сделать то, что я не могу, – говорил Нэаль Эвальду, потомку королей, и вливал в него надежду, и учил его военному искусству. – Он – твой двоюродный брат, – говорил Нэаль. – И ты поможешь ему взойти на трон. Как помог бы я.

Но любая война, в которой Нэаль не будет первым, казалась очень далекой Эвальду, ибо с самого его детства этот человек, хоть и седой, а потом и вовсе побелевший, был сильным; как ураган, он очищал свои владения от всякой несправедливости, которую встречал, а временами совершал вылазки, чтобы напомнить своим врагам, кто правит в долине Кера. И Эвальд, который знал лишь боль до прихода этого человека, принявшего его к сердцу, считал, что эти времена никогда не кончатся. Но они подходили к концу, хотя сначала он и не понимал еще этого – первым ушел Кэвин, затем Дру вернулся в свои горы, и Скага взял на себя объезд границ, пока Нэаль оставался дома. Так старость накатила на него. Так пришло время беседы – уже не первого откровенного разговора, но самого серьезного.

– Придет день, когда меня не станет, – сказал Нэаль, – и люди начнут сплетничать, но ты помни, сын, я люблю тебя. Хоть ты действительно мне сын лишь по любви, а не по крови. Ты – двоюродный брат короля и никогда не забывай об этом. Но мне ты племянник. Есть надежные люди, которые будут с тобой – ты знаешь их имена. Но другие будут шептаться и пытаться свергнуть тебя – таковы люди.

– Тогда я буду драться с ними, – ответил Эвальд. – И ты не умрешь. Никогда не говори об этом.

– Молчать об этом не было бы мудрым, – Нэаль взял кувшин и налил себе в чашу вина, вторую чашу он наполнил для Эвальда. – А потом я задумал твой брак.

Краска залила лицо Эвальда. Он поднял чашу. Ему было шестнадцать, и он был мальчишкой со всеми мальчишескими помыслами об охоте и играх, и будущей славе в сражениях с Ан Бегом; но сейчас он делил вино с отцом – редкая честь, и потому чуть слышно спросил:

– С кем?

– С дочерью Дру.

– Дру!

– Я сказал – с его дочерью, а не с ним.

– Но Дру...

– ...не самый веселый человек из моих друзей. Но самый молодой, и судьба одарила его сыновьями – отважная семья. Он имеет единственную дочь, любезную его сердцу. И для его сыновей это единственная сестра. Они позаботятся о своем. Мне не найти надежнее людей, чем клан Дру, чтоб защитить тебя. И я не буду тревожиться.

– Потому что человек, зачавший меня, был убийцей короля. – И Эвальд опустил голову. Он никогда не говорил об этом, но он это знал.

– Потому что ты мой наследник, – сурово возразил Нэаль и добавил более мягко: – Я не хочу видеть, как выбранные мною союзники покинут тебя. Дру я верю, и сыновьям его я буду верить, если ты свяжешь себя с ними узами. Ее зовут Мередишь.

– А что говорит мама?

– Что это мудрое решение.

– А что считает Дру?

– Его еще предстоит об этом спросить. Сначала мне надо было спросить своего сына.

– Что ж, – с неловкостью промолвил Эвальд. – Пусть будет так. Если так надо. – Это было бы нечестно. Не было такого на свете, в чем он отказал бы Нэалю. Ради любви к Нэалю и матери он готов был броситься на копья и мечтал о подобной судьбе – умереть, защищая Кер Велл. Он никогда и не думал, что существуют другие пути. И это пугало его больше, чем орды врагов, – то, что ему внезапно предстоит стать мужчиной во всех отношениях, и быть мудрым, и иметь своих детей.

– В этом году, – сказал Нэаль.

– Так скоро.

– Я не могу исчислять оставшееся мне время в годах.

– Господин...

– Это принесет покой и мне, и твоей матери. Я думаю о ней. Ради нее я хочу, чтобы у тебя были сильнейшие союзники, когда меня не станет.

– Она всегда будет в безопасности.

– Конечно, это так. – Нэаль выпил и повеселел, и улыбнулся Эвальду. Его улыбка напоминала улыбку камня – таким иссохшим и суровым было его лицо.

Но Эвальду было страшно, когда он взглянул на него, ибо он впервые понял, как тот стар и что выезжать ему из замка становится все тяжелее, и все его тело утратило былую силу. Так было и с Банен – она начала худеть и стала костлявой в коленках, и молодость иссякла в ней, и ее увели в холмы. Эвальд не верил сказкам: Банен умерла, как умер этой весной его пони, надорвав сердца его сестрам, – он не питал иллюзий.

«Но почему все должно умирать? – думал он. – Или стареть?» И он с ужасом понял, что и на нем лежит проклятье и что сейчас он должен стать мужчиной и научиться говорить в советах, ибо борьба за короля может оказаться не столь уж победоносной, но затяжной войной, которая потребует всей жизни, как у Нэаля.

Его будут называть сыном Эвальда, и без поддержки материнской крови и союзников Кервалена никто не станет доверять ему. Он распростился со своим детством, думая об этом, и понял в глубине своего сердца то, чего всегда боялся: что он может потерять Кервалена и соскользнуть обратно в тот мрак, из которого Кервален вызволил его. Песни воспевали Кервалена и кровавый Эшфорд, отвагу и хитрость, и благородство – и этот человек спас его и защитил их с матерью, что было нелегко, как он был в состоянии понять. Он помнил арфиста, хоть и смутно – золотое видение и светлые песни; от своего настоящего отца он помнил лишь боль – кровь и страдания, и хриплый громкий голос; и ночь сверкавшего металла и окровавленных тел всех тех, кто когда-либо обижал его мать. В ту ночь она смеялась, и с тех пор к ней вернулась улыбка, и Нэаль никогда не позволял крови приближаться к ней – вернувшись после битвы на границе, он мылся и следил, чтобы все оружие и военные принадлежности были убраны, ибо Кер Велл – говорил Нэаль – не разбойничий притон, как Ан Бег. И этим же словам он выучил своих людей.

Но то было много лет тому назад. Еще до того, как поднялась башня.

«Это ради меня, – думал Эвальд, полный мрачных предчувствий, и смотрел на каменные укрепления с острыми зубцами, врезавшимися в небо. – Он строит это для меня, а не для себя». И тогда он понял, что это последнее слово Нэаля.

«Я не могу исчислять свое время в годах», – сказал он.

И так этим летом месяц за месяцем башня вздымалась все выше, а Нэаль выезжал все реже и мучился болями по ночам. Мера нежно ухаживала за ним, и Эвальд замечал, как и ее волосы тронула седина и как она надрывается в заботах о его слабеющем отце. Нэаль улыбался, и она отвечала ему улыбкой. Но большей частью у Меры был встревоженный вид.

Месяц за месяцем к Дру уходили и от Дру приходили посланцы, и наконец появился он сам, тоже седой, в окружении сухопарых юношей, которые немногим отличались от разбойников, – то были его сыновья.

– Ну что ж, – промолвил Дру, оглядев Эвальда с головы до пят, – у меня есть свои доноски, они хорошо отзываются о мальчике.

– Мой отец тоже хорошо отзывается о тебе, – промолвил Эвальд с дерзостью, заставившей горного господина нахмуриться и окинуть его еще одним холодным взглядом.

– Который отец? – поинтересовался Дру; Нэаль присутствовал при этом.

– Тот самый, что называет тебя другом, – резко выпалил Эвальд, – и чьи суждения о людях я ценю.

Это понравилось Дру и заставило его рассмеяться сухим и колким смехом, похлопав Нэаля по плечу.

– А он парень не промах, – заметил Дру. И Дру и Нэаль отослали его прочь и усадились обговаривать детали, как два фермера, торгующиеся из-за овец.

И так дело было сделано, и Нэаль считал, что лучшего и желать нельзя. «Весной, – пообещал Дру. – Мередишь придет весной». И Дру с сыновьями уехал домой, спеша добраться до зимних снегов, и Эвальд бродил по замку с убитым видом, который появился у него со дня того самого разговора с Нэалем. «Но это было хорошо и правильно сделано», – повторял про себя Нэаль, и Мера говорила о том же вслух. «Ибо, – говорила Мера, – теперь с одной стороны он имеет мою родню, а с другой – твоих друзей».

«И еще у него есть Скага, – добавлял Нэаль. – У него есть Скага, надежнейший и вернейший». – И сердце Нэаля таяло при этой мысли.

И это вдобавок к башне казалось ему достаточным. Ему уже трудно было облачаться в тяжелые одежды и скакать по осенней стуже – приятнее было оставаться у очага. Многие свои обязанности он передал в более молодые руки, хотя временами думал: как хорошо, когда ляжет снег, оседлать лошадь и скакать, слушая хруст снега под копытами, и видеть пар дыхания, и чувствовать лезвие студеного ветра на лице. Но уже нет Банен. А объезжать другую лошадь казалось ему бессмысленным, да еще нужно брать свиту с собой на случай встречи с неприятелем, которая в лучшем случае могла надеяться на кружку с бодрящим напитком на какой-нибудь ферме – и все это заставляло его задуматься о других вещах, которых ему не хватало. Нэаль много думал о занятиях, к которым лежало его сердце, и желание казалось ему большей радостью, чем само действие. Так что лучше всего было оставаться у очага и слушать арфиста, пришедшего к нему в замок (хоть он даже отдаленно не напоминал Фиана Финвара – и эта радость поблекла). По крайней мере, оставалось тепло очага, не дающее холоду сковать его, и добрая еда, и доброта Меры и его людей. Он увядал – вот и все, то было мирное угасание – он усыхал.

– Я дождусь весны, – сказал он Мере. – Столько я проживу. – Он имел в виду, что дождется свадьбы своего сына, но такое обещание сулило слишком мрачный подарок к торжеству: и Мера покачала головой, и заплакала, и, наконец, стала подшучивать над ним, что всегда успокаивало Нэаля – и он улыбнулся, чтобы доставить ей удовольствие. Все утомляло его, и ему казалось, что с него довольно зимы. Ему снился хутор меж холмов – пустые зимние сады, путешествия к амбару по колена в снегу и запах хлеба на пути домой.

Он стал обузой, а именно этого Нэаль боялся больше всего. По большей части он лежал в зале. Его сыновья и дочери ухаживали за ним – ибо своих дочерей он тоже намеревался выдать замуж, несмотря на их юный возраст, и уже разослал гонцов: одну он предполагал отдать в Бан, а младшую выдать за одного из мрачных сыновей Дру – о лучших партиях он и не мечтал. Так что даже в угасании его забота простиралась далеко, на много лет вперед. И Мера изумляла его своей привязанностью, ибо, казалось, она никогда не любила его и была ему женой по привычке; ведь и его нежность была лишь привычкой. Единственное, что печалило его, что он всегда был в разъездах, занимаясь то тем, то сем ради нее и детей, и так и не узнал такой простейшей вещи.

Любил ли он ее? Нэаль не был уверен, что вообще испытывал любовь, которой заслуживало то, что окружало его, он просто делал то, что должно, за исключением короткого рывка – всего лишь нескольких лет, прожитых им для себя. К ним-то и возвращался он памятью, ища защиты. Но ему страшно повезло, что он снискал столько любви к себе, выполняя свой долг.

В его памяти мало что осталось от жизни на хуторе. Весь хутор ему казался сном, а воспоминания об Эшфорде и вовсе потускнели, как и Дун-на-Хейвин, да и стены самого Кер Велла. Единственной реальностью казались костер и рыба и тень меж дубами; и, как ни странно, ему не было страшно на этот раз. И сморщенное коричневое личико с глазами, как стоячая вода, не пугало его.

«О человек, – говорило оно, – о человек, возвращайся».

Нэаль Кервален умирал. И больше это было не скрыть. Ан Бег совершил набег на границы, но преждевременно – Скага изгнал их прочь и преследовал до их собственных владений, пока горе и тревога не заставили его повернуть назад. Ибо Скага проводил в зале дни и ночи, расставив по всей стране вооруженных людей и приказав фермерам жечь костры, если кто-нибудь их потревожит.

И Эвальд видел, что все было сделано верно, как если бы распорядился сам Нэаль. А может, это и были его приказы, которые он отдавал тому, кто считался его правой рукой и даже душой, когда приходил в себя.

Тогда приехал Дру, хоть и стояла еще зима и морозы были еще слишком крепки, чтобы появиться зелени. Он поднимался вверх по Керберну с таким количеством воинов, которое могло отразить при случае любое нападение – как холодный ветер обрушился он с южных высот, так что патрульные посты, не узнав его, сначала подали сигнал тревоги. Но со стен разглядели его знамена – синие с белым, и крики радости впервые за много дней заполнили Кер Велл.

Эвальд сверху смотрел, как они въезжают в ворота. Он знал, что его отец не ошибся в Дру – тот не стал тратить время на гонцов, и впервые Эвальд ощутил нежность к этому костлявому безумцу. Они пришли со звоном оружия и блеском копий и ожидали приема; но среди них вышагивал пони с заплетенной лентами гривой, на котором ехала девушка, завернутая в плащ.

– Мередифь, – прошептал Эвальд и бросился вниз со стены, словно увидел нечто такое, о чем лучше забыть. Душа его не лежала к свадьбе. Только не сейчас, сейчас – ни за что.

Но «да» сказал его отец, когда Дру вошел в зал.

– Да, спасибо, старый друг.

И сознание Нэаля было ясным, по крайней мере, в этот вечер.

И Эвальд познакомился со своей невестой – худенькой девочкой, одежда висела на ней, а в глазах читалась тревога. Мера, занятая своими мыслями, не могла уделить ей времени, и Эвальду пришлось занимать девушку и нашептывать ей любезности. Но он был благодарен уже за то, что она привезла с собой свою кормилицу, чтоб та заботилась о ней.

– Жаль, – проговорила Мередифь тихо, как мышка, – жаль, что не успели дошить мое лучшее платье. Ведь это мне не идет.

Но все это было слишком далеко от Эвальда, хотя он увидел, как она покраснела, и то, как она юна.

– Это хорошо, что ты приехала раньше, чем обещала, – промолвил он. – Это самое важное.

Мередифь подняла голову и с признательностью взглянула на него.

Она не была похожа на его мечту, но в ней не было и ничего такого, чего он страшился, это была смышленная девочка. И вправду, она быстро подняла наверх свой багаж, устроилась в комнате и спустилась вниз, чтобы помочь устроить своего отца, и бегала туда и обратно то с тем, то с другим, помогая прислуге и отдавая распоряжения так ловко, что вся свита была

накормлена, в то время как его мать воспользовалась предоставленной ей передышкой и просто сидела у изголовья отца.

И Эвальд пробыл с ними сколько мог, но Нэаль не шевельнулся за весь вечер – он спал, и, казалось, крепче, чем обычно.

– Ступай, – сказала ему Мера. – Дру сказал, что завтра свадьба. И отец будет рад узнать об этом. Она славная девочка, правда?

– Славная для нас, – ответил Эвальд, душа которого как будто занемела, но Мередишь уже завладела его мыслями, как она завладела замком, потому что так должно было быть. – Да, славная. – Он не спускал глаз с лица Нэаля. Потом он повернулся и пошел к дверям, где, суровый и осунувшийся, неотлучно стоял Скага.

– Он спит, – сказал он Скаге.

– Пусть так, – ответил Скага. И ни слова больше.

И Эвальду что-то подсказывало, что он не должен уходить сегодня.

Он спустился в оружейную, где горел очаг, и помедлил там в ночной темноте, глядя на утасяющий огонь. Из двора и барачков, где устроились люди Дру, почти не доносилось никаких звуков – вокруг стояла тишина.

Лишь цокот копыт у стены чуть слышно раздавался из сумрака – так тихо, что можно было подумать, это снится ему, если бы глаза у него не были открыты. Эвальд почувствовал, как будто волосы у него стали дыбом, и на мгновение такая тяжесть навалилась на него, что сбросить ее было невозможно.

Затем послышалось царапанье по камню, и это было уже слишком. Он встал, завернулся в плащ и вышел прочь, стараясь не шуметь. Он поднялся на стену, ступая как можно тише и все еще сомневаясь, не сыграл ли шутку с ним его слух.

И вдруг темный комок вспрыгнул на стену – волосатое существо с огромными руками и глазами. Эвальд приглушенно вскрикнул, и оно спрыгнуло вниз.

– Кервален, – пропело оно. – Я пришел за Керваленом.

Эвальд кинулся на него, но существо было слишком ловким и отскочило в сторону. Тогда Эвальд бросил нож ему вслед. Раздался вой, существо нырнуло через стену в ночную мглу, и тут же отовсюду раздался крик: «Огня! Огня!»

Скага добрался до него первым.

– Какое-то волосатое существо, – воскликнул Эвальд, – что-то темное явилось за Керваленом; оно сказала, что пришло за ним. Я бросил нож в него, и оно спрыгнуло вниз.

– О нет, – вскричал Скага. И больше ничего, ибо бегом Скага бросился к лестнице, но это «нет» прозвучало с такой болью и с таким ужасом, словно ему была известна природа этого существа. Эвальд поспешил вслед за ним, но Скага крикнул: – Оставайся со своим отцом, – и исчез.

Эвальд замер на лестнице. Он услышал, как открылись малые ворота, услышал удаляющийся цокот копыт и ринулся к стене, чтоб посмотреть. То была пегая кобыла с кем-то на спине, за ними к реке меж деревьями мчался Скага.

– Дру! – закричал Эвальд во двор. – Дру!

Оно остановилось, маленькое и беззащитное. Кобыла убежала неведомо куда. И Скага, переводя дыхание, опустился на корточки рядом.

– Железо, – плакало оно, – жестокое железо. Я истекаю кровью.

– Пойдем назад, – промолвил Скага. – Ты приходил за ним? Возьми его с собой.

В ответ тот покачал косматой головой и вздрогнул всем телом в смутном лунном свете, льющемся сквозь листья.

– Граги жалеет его. Жалеет тебя. О, поздно, слишком поздно. Его удача иссякла. О, горькое железо.

Скага оглядел себя, свое оружие и отложил меч.

– Это был его сын. Он не понял, он никогда не видел тебя. О Граги!

– Он ушел, – промолвил Граги, – ушел, ушел, ушел...

– Нет, не говори так! – воскликнул Скага. – Да будешь проклят ты за эти слова!

– И Скага облачен в железо. О, Скага, бойся леса, бойся леса. Граги уходит туда, куда и ты мог бы пойти, но никогда не пойдешь. Бойся встречи. Ты никогда не был таким, как твой господин. Элд убьет тебя в день встречи. О, Скага, Скага, Скага, как они оплакивали твой уход. И Граги плачет, но он не может оставаться здесь.

И все исчезло – ни тени, ни колебания ветвей, остались лишь лунные блики на реке.

И Скага побежал со всех ног, помчался к Кер Веллу.

– Он умер, – сказал ему Эвальд, когда тот вернулся в замок. И Скага, войдя в зал, склонился и зарыдал.

И настало время похорон и траура, и Дру оставался в замке, охраняя Кер Велл от врагов. Эвальд с неотлучным Скагой вершил суд, приказывал сделать то и это в близлежащих землях, выставлял посты и охрану и принимал присягу от проходящих.

Даже от древнего Талли пришло послание, которое лишь Дру смог объяснить.

– Король, – удрученно сказал Дру, и лицо его еще больше помрачнело, – эта смерть отняла у нас время. Если б твой отец был жив и силен, но его нет. Обеты верности должны быть снова подтверждены.

– Отошли гонца, – ответил Эвальд, – и скажи, что я сын Кервалена и госпожи Меры и никого другого.

– Так я и сделал, – сказал Дру.

И в другой раз Эвальд сказал:

– Ты не можешь вернуться в свои земли, не сдержав обещания, данного моему отцу. И я буду рад твоей дочери.

И это была правда, ибо Мередифь обосновалась в самом сердце Кер Велла, став утешением его матери и ему самому, и если это была не любовь, то, по крайней мере, сильнейшая потребность. И если бы ему пришлось на коленях молить о руке Мередифи, он был готов и на это; к тому же это было волей отца, которую он стремился выполнить во всем.

– Да, близится время, – сказал Дру.

И так Кер Велл отложил свой траур по весне. Все было так же – высились камни, и росла трава, и распускались цветы: фиалка и рута.

И плющ сплетался в лесу, меж забытыми костями.

IX. Лето и встречи

Лето пришло в Старый лес – серо-зеленые листья прикрыли скрюченные стволы и украсили искривленные сучья. Они были упрямы, эти старые деревья, и продолжали упорно цепляться за свое существование на краю долины. Здесь, у холмов, покоились гнев и долгая память. Деревья шептались, склоняясь друг к другу, как старые заговорщики, а дожди приходили и уходили, и сменялись смертные солнца, и тени скользили меж корней среди колючек и зарослей. Ни одно существо из Нового леса не вступало сюда без страха и ни одно не оставалось на ночь – ни беглый заяц, щипавший цветы на краю леса, ни олень, что принимался дрожащими черными ноздрями и убегал прочь, предпочитая попытать свою удачу против человеческих охотников. Ни самое измученное, ни самое отважное существо, рожденное под смертным солнцем, не могло полюбить Элдвуд... но в нем блуждали свои олени и зайцы – туманные странники с темным, отрешенным взглядом, быстрые, как стрела, и не созданные для охоты.

Изредка лес словно встряхивался, сбрасывая оковы сна, когда луна не была такой жуткой и ярко-белой. Середина лета была таким временем, когда по ночам собирались призрачные олени и появлялись такие птицы, которых нельзя было увидеть днем, и ненадолго Элдвуд забывал свой гнев и мечтал.

В такую ночь, одну из многих одинаковых ночей, по зову сердца вышла Арафель – желания ее достало на то, чтобы связать кажущееся и действительное, чтобы выскользнуть из течения ее времени, ее солнца и луны, сиявших более прохладным и зеленоватым светом, из памяти деревьев и лесов, из их воспоминаний о том, какими они были или какими они могли стать. С собой она принесла нездешний свет, струившийся за ней. Цветы, никогда бы не раскрывшие своих бутонов, расцветали этой волшебной ночью от ее присутствия. Она оглядывалась и прикасалась к лунно-зеленому камню на своей шее, хранящему в себе частицу ее сердца, и вздрагивала от прохладной сырости мира, уже позабытого ею. Олени и зайцы, которые, подобно ей, блуждали туманными путями, мелькали то здесь то там, осмелев от ее присутствия.

Когда-то в такие ночи, как эта, здесь были танцы и веселые пирушки, но арфы и свирели давно затихли, а музыканты ушли далеко за серое холодное море. Камень на ее шее откликался лишь воспоминаниями об этих песнях. Арафель вышла в эту ночь лишь из любопытства, по зову памяти. Смертные годы летели быстро, и сколько их прошло с тех пор, как гнев и горе ее утихли, она не знала. Она была в унынии. Ей больно было видеть лес столь изменившимся, задущенным колючими лианами. Огромный холм, поросший дурманом, высился на том месте, где в старое время ее народ танцевал среди высокой травы и высоких прекрасных деревьев. Этой ночью Арафель подошла к старому танцевальному кругу и положила руку на невозможно древний дуб, сила полилась сквозь пальцы – и старое сердце его зазеленело, и тоненькие почки набухли на концах ветвей. Такое волшебство в ней сохранилось еще, оно было естественным, как дыхание.

Но звезды над головой прежде светили ярче. Разрозненные облака плыли по небу. Она взглянула вверх, и ей захотелось, чтобы их не стало, чтобы все было, как тогда. Олени и зайцы смотрели вверх своими огромными туманными очами, как будто небо и впрямь очистилось. Но вскоре клубы облаков примчались снова, и ветер затянул ими синеву неба.

– Давно, – прошептала Смерть.

Арафель обернулась, сжав свой камень, ибо у самого круга появилась черная тень, мрак, опустившийся рядом с деревом, погубленным молнией, и гнусные шепотки зазвучали вокруг.

– Давно тебя не было, – промолвила госпожа Смерть.

– Уходи отсюда, – попросила Арафель. – Это не твоя ночь и не твое место.

Смерть шевельнулась. Вздрыгнули олени и неуверенными шагами двинулись поближе к Арафели, вдыхая влажный воздух, который всегда пах сыростью в этом лесу.

– Много лет ты не появлялась здесь совсем, – заметила госпожа Смерть. – И я гуляла здесь! Разве мне нельзя было? Здесь были мои охотничьи угодья. Что ж мне теперь – уйти?

– Мне все равно, что ты будешь делать, – ответила Арафель. Ей было так одиноко, что даже этот разговор притягивал ее. Она уже спокойнее взглянула на тень, посмотрела, как та расплзается и устраивается на расколотом пне среди колеблющихся кустов. А у ног хозяйки пристроился еще какой-то мрачный сгусток, похожий на пса. Он опустил свою чернильную голову, зевнул и прерывисто задышал в темноте, повергнув в трепет оленей и зайцев.

– Не надейся остаться здесь, госпожа Смерть. Это я говорю тебе.

– Гордячка. Госпожа паутин и лохмотьев. Старый дуб сегодня помолодел. А другими ты не хочешь заняться? Или может... в тебе иссякают силы?

– Корни у него уходят в нездешний мир, у этого старого дерева, и в нем гораздо больше всего, чем кажется. Не трогай его. Есть вещи, которые могут навредить даже тебе, госпожа Смерть.

– Много лет, много зим ты пренебрегала этим местом. А теперь ты снова обратила сюда свой взор. Что привело тебя сюда?

– Разве нужны мне причины, чтобы прийти в свой лес?

– Элдвуд стал меньше в этом году.

– Он все время уменьшается, – сказала Арафель и внимательнее присмотрелась к тени, впервые различив намек на руку, кисть, но ничего похожего на лицо.

– Старый друг, – позвала Смерть, – пойдем погуляем со мной.

Арафель насмешливо улыбнулась, но улыбка исчезла с ее лица, когда она увидела протянутую руку.

– Вскочка, какое мне дело до тебя?

– Ты посылала мне души для охоты, Арафель. И я забирала их, когда догоняла, но какой в них толк? Ни благодарности. Ни радости тем паче. Зачем я пришла? Что ты видишь со своей стороны Элда? Что там такого, что мне не суждено увидеть? – Тень приподнялась, и пес тоже встал. Подобие руки все еще тянулось к Арафели. – Пойдем со мной, – чуть слышно позвала Смерть. – Разве не создана эта ночь для дружбы? Прошу тебя – пойдем со мной.

Олени бросились врассыпную, зайцы в испуге кинулись прятаться. Но пес не трогался с места, лишь часто дыша во тьме. И вдруг из чащобы послышались цокот копыт и шуршанье, и смутные своры начали сгущаться вокруг.

Ветер возник в кронах деревьев. А в небе, там, где сияли звезды, выросла черная кромка тучи. Арафель перевела взгляд с неба на деревья, в которых плавали тени и шепотки нарушали покой.

– Отошли их, – сказала она, и тени исчезли, а ветер спал. Лишь сгусток тьмы да леденящий дух говорили о том, что сама ночная гостья все еще здесь.

Они пошли прочь из круга и дальше, дальше, все глубже в мир, населенный людьми, – нелепое содружество – эльф и одно из наименее чтимых человеческих божеств. Смерть была неразговорчива. Им не хотелось говорить – ни Арафели, ни ей. Арафель не боялась ее, ибо эльфийский народ никогда не подчинялся ей: когда они не могли совладать со своими ранами, они просто уходили в тот мир, где смерти не было и куда она не могла дотянуться. Теперь уж никого из них не осталось, а Арафель все была тут; они ушли далеко за море, но Арафель не была готова последовать за ними. Она была последней и слишком любила лес, чтобы поддаваться отчаянию. А может, ее удерживала здесь привычка или гордость – ее народ всегда был горд. Или она правда всем сердцем прикипела к этому лесу. Откуда было Смерти знать, что заставляет эльфов поступать так или иначе?

Арафель шла человеческой тропой, не удаляясь под свою луну. Смерть не могла за ней последовать в иной мир, и не следовало ее дразнить. Она оставалась любезной с ней, с этой охотницей, хранительницей ее леса, пока она была в отлучках, которая явилась вместе с человеком и полюбила этот лес больше других мест на земле. Смерть показывала Арафели ее владения – огромные вековые деревья, которым было не так-то просто умереть, ибо корни их уходили в тот, другой Элд. Арафель видела их иные образы, отражающиеся под этой луной, и, находя время от времени какое-нибудь опасно увядающее дерево, лечила его своей силой.

– Ты мешаешь моей работе, – укоряла ее Смерть.

– Только в своих владениях, – ответила Арафель и снова взглянула на тьму, в которой, казалось, брезжили два слабых огня. – Раз уж я не ушла со всеми, то буду залечивать язвы Элда, что появились по вине людей. Неужто ты думаешь, госпожа Смерть, что я растрочу всю свою силу? Или этого ты и дожидаясь? Ты думаешь, мой род может умереть?

– Поживем – увидим, – отвечала Смерть спокойным тихим голосом. И что-то, похожее на рукав, всколыхнулось в широком жесте. – Ты все здесь можешь исправить, изгнать людей, взять под свою власть и править.

– А после умереть, как водится.

– И умереть, – еще тише откликнулась Смерть.

Арафель улыбнулась, почувствовав тоску той.

– Девчонка.

– Возьми меня с собой, – попросила Смерть. – Дай мне хоть раз увидеть то, что ты видишь. Дай мне увидеть тебя такой, какая ты есть. Покажи мне... ту, другую землю.

– Нет, – вздрогнув, ответила Арафель и ощутила легкое прикосновение к своей щеке.

– Не надо, не надо ненавидеть меня, – взмолилась Смерть. – К чему меня бояться? А все бояться... кроме тебя.

– Оставь свои надежды. Мой род тает от ран.

– Но разве может что-нибудь ранить тебя! – воскликнула Смерть. – Нет, Арафель. А значит, ты прикована в этом месте и разделишь судьбу Элда.

– Многое может ранить меня, – возразила Арафель, глядя туда, где, по ее представлениям, у Смерти должно было быть лицо. – Только не ты.

– Разве что когда все леса умрут. Разве что когда все, питающее тебя силой, исчезнет. Ты будешь долго жить, моя госпожа увядающих деревьев, но не вечно.

– И все равно я обману тебя.

– Возможно, – прошелестел дрожащий шепот. – Знаешь ли ты, куда ушел твой народ? Известно ли тебе, хорошо ли то место? Нет. А со мной ты знакома. Я привычна и проста. Мы старые друзья, ты да я.

– Мы приятели, но не друзья.

– Разве тебе не знакомо одиночество? Его мы делим с тобой.

– Но ты – вся мрак и холод.

– Разве тебя все видят одинаково?

– Нет, – призналась Арафель.

– Может, ты придешь взглянуть, как выгляжу я.

Арафель ничего не ответила, ибо она была не так жестока, как некоторые ее сородичи, и умела чувствовать боль.

– Я тоже исцеляю, – сказала Смерть.

Но Арафель продолжила молчать.

– Пойдем, – позвала Смерть. – Я покажу тебе другое свое обличье.

Арафель замерла при ее прикосновении, ибо та звала за собой в другой, третий Элдвуд, бывший в ее власти, и ветер, вырывавшийся оттуда, пронизывал до костей.

– Нет, – ответила Арафель. – Только не туда, моя госпожа, туда – никогда.

– Все, что я беру, я возвращаю, – сказала Смерть. – Все, что падает в котел, снова выходит из него. Я могу быть красивой, Арафель, но ты не можешь этого увидеть, потому что ты не была со мной и не проживала меня. Твое мнение обо мне превратно.

– Ты оказала мне услугу, защищая Элд от людей, – сказала Арафель. – Зачем?

И теперь Смерть замерла, не отвечая.

– Может, я недооцениваю свое время. Может, я задержусь в этом лесу слишком надолго. И ты можешь уповать лишь на это. Но я не стану обнадеживать тебя.

– Мне не нужна надежда, – сказала Смерть. Порыв ветра будто бы отодвинул ее. – Но пойдем, если не туда, так в другое место. Я хочу, чтобы ты хорошо думала обо мне. Увидишь... я могу исцелять.

Голос у нее был мягким и не сулящим никакой беды, и вправду она ничего не могла сделать Арафели. Так что та послушалась на этот раз и подчинилась, и пошла за Смертью, как ходят смертные, по общей их земле.

Но вскоре она заколебалась, ибо поняла, куда ее ведут.

– Верь мне, – просила Смерть, и холодный ветер налетал все сильнее и напористей.

Они медленно брели сквозь заросли и чащобы и на исходе ночи вышли к роще, к которой вела ее Смерть: к Новому лесу, к границе Элда, ближе всего подступавшей к человеку. Здесь лежали мертвые исполинские деревья, израненные топорами, о чем Арафель не забыла. Это бессмысленное разрушение угнетало ее, ибо в день гибели этих деревьев умерла часть ее Элда, рассеялась в серой дымке, что ограждала ее мир и замутняла ей взор.

– Видишь, – сказала Смерть, и тень метнулась к буйным зарослям папоротника-орляка, видневшимся под меркнувшими звездами. Прямые и свежие побеги в человеческий рост тянулись вверх. – Взгляни на мое рукоделье. Разве мы можем быть врагами?

Арафель взглянула и содрогнулась, вспомнив, каким было это место, когда поваленные деревья стояли высокими и прекрасными, а их двойники в ее родном Элде цвели звездами и укрывали ее своими белыми ветвями.

– Это всего лишь Новый лес, – промолвила Арафель, – мой же мал для этого. Они не имеют корней в Элде.

– И ты не ощущаешь в этом красоты?

– Это красиво, – согласилась Арафель и прошла дальше и преклонила колена от внезапного укола памяти, ибо под орляком лежали кости и древесная щепка, и она прикоснулась к давно пробитому черепу.

– Деревья ты восстановила. Не можешь ли поправить и это, госпожа Смерть?

– Со временем, – ответила та, надрывая ей сердце. – А что тебе в них?

– У меня есть свои пристрастия, – сказала Арафель, но, когда она встала, старое любопытство нахлынуло на нее, и она прошла немного дальше, к плоской скале, нависавшей над долиной, над темным морем деревьев. Она вспомнила каменную башню на другом конце долины – там, далеко, среди деревень и полей, и ручных животных, и разного прочего, что дорого человеку. Но все это было за пределами видимости. Внизу Керберн катил свои темные воды к морю, как черная змея, разделяющая лес; и этот бег воды к морю напомнил ей о расставании с ее родом, и Арафель загрустила.

– Люди всегда честны. Они рождаются, живут и умирают. И нет этому конца, – сказала Смерть.

– И все же им приходит конец.

– Не навсегда. Такова их природа. Ты не хочешь смотреть на мой Новый лес, он не нравится тебе.

– Нет, пока мой умирает.

– Умирает, а не тает?

Арафель бросила на нее холодный взгляд.

– Уходи, – попросила она. – Я устала от тебя.

– Ты обижаешь меня.

– Тебя, разрушительницу всего, к чему ты прикасаешься? Ты не можешь обижаться.

Оставь меня.

– Ты ошибаешься, – сказала Смерть. – Ты ошибаешься, так говоря обо мне. Есть одиночество, Арафель, и есть бессердечие; я никогда не была бессердечной. Не дразни меня, Арафель.

– Так уходи же. Я устала от тебя.

И за спиной ее послышалось шуршание теней, дыхание и кряхтение. Она нахмурилась и приложила руку к самоцвету, висевшему на шее. Звуки затихли.

– Я не боюсь тебя, божок. Никогда не боялась и не буду бояться. Исчезни!

И тень исчезла, прикоснувшись к ней в последний раз и обдав тоскливым холодом. Арафель отмахнулась и наконец почувствовала, что та ушла. Остался лишь склон холма, да ветер, да испорченная ночь.

Арафель тронулась вдоль хребта. Темная долина расстилалась перед ней, там спали смертные, избывая эту ночь. Она вспомнила, сколько боли и добра принесли ей люди... но сколько лет прошло с тех пор, она не знала. Она помедлила, и странное томление охватило ее – ей захотелось выяснить, что с ними стало за это время и как сложились их жизни.

Х. Бранвин

Она пошла другим путем, скользя с такой прытью, с которой не могли тягаться ноги смертных, вдоль троп, где заросли не тревожили ее. Она остановилась в серой мгле рассвета, в приятной зелени свежих побегов на берегу реки, куда она давным-давно не приходила. Она была за пределами Элда и все же не совсем, ибо Элд следовал за ней по ее воле, растягиваясь и утончаясь не без усилий.

Утро принесло с собой смертную красоту, легкое прикосновение солнца позолотило черные воды Керберна – красоту контрастов, которых не было в ее мире, ибо он был лишен уродства, и не было в нем мертвых сучьев, или поваленных деревьев, или безобразных ветвей. Она взглянула на призрачного оленя, следовавшего за ней из иного мира, на его трепещущие ноздри и огромные глаза, полные рассвета.

– Уходи, – сказала Арафель, ибо он не знал здешних окрестностей, и тот исчез, хрустнув веткой, взметнувшись пятнистым крупом, укрывшись в призрачном безопасном мире.

Она прошла чуть дальше, за реку, где теперь были видны суровые стены Кер Велла на холме, а внизу раскинувшиеся поля, словно золотые и зеленые шали. Когда-то здесь обитало зло, окруженное грубыми людьми и острым оружием. Теперь в замке поднялась новая башня, усилились защитные укрепления. Но сейчас ворота были открыты. Новый лес раскидал свои саженцы ближе и ближе к замку с этой стороны холма, покрытого травой, и цветы выглядывали из-под мрачных черных камней. По дороге туда и обратно ходили люди, но они не были отмечены жестокостью. Они смеялись, и на сердце у нее стало легко, в ней разыграло такое любопытство, которого она не знала долгие человеческие годы... ибо приставания Смерти омрачили ее душу, и теперь вид жизни и радости был целителен.

На зеленой траве между молоденькими деревцами и увитой цветами стеной сидело несколько женщин, а по склону, смеясь, бегало золотоволосое дитя, перебирая крохотными ножками. Странное чувство родилось в эльфийском сердце Арафели при звуках этого смеха, словно эхом откликнулся детский смех давно прошедших лет. Она вышла под смертное солнце, убедившись, что девочка видит ее, хотя другие не замечают. Глаза у ребенка были синими, как лен, и округлились от удивления.

Тогда Арафель встала на колени и, прикоснувшись к цветку, зачаровала его – небольшой подарок, щепотка магии. Девочка сорвала его, и чары рассеялись, оставив в пухленькой ручке лишь обычную примулу, в синих глазах появился испуг.

Арафель раскинула чары по всем примулам на склоне, проливая на них красоту из иного мира, и детские глаза заискрились радостью.

– Пойдем, – прошептала Арафель, протягивая руку. И девочка вошла за ней под сень деревьев, забыв о цветах.

– Бранвин, – закричала одна из женщин, – Бранвин, не уходи далеко.

Девочка остановилась и обернулась. Арафель уронила руку, и ребенок помчался прочь, навстречу раскрытым объятиям женщины, которая боязливо вглядывалась в утренний туман над папоротниками.

Человеческий страх. Он так же леденит, как Смерть, и не нравился Арафели. Она бросила последний тоскливый взгляд на девочку и ушла в лесную тень.

– Помни, – раздался шепот у нее над плечом. – Они умирают.

То была Смерть на развалинах старого дерева.

– Исчезни, – сказала Арафель.

– Они принесут тебе боль.

– Исчезни, выскочка.

– Они неблагодарны за дары.

– В третий раз говорю – сгинь.

И Смерть ушла, оставив за собой лишь стылый воздух, ибо не могла ослушаться в третий раз.

Арафель нахмурилась и отпрянула, свернув своим путем в эльфийскую ночь, освещающую лишь ее собственным сияньем да бледно-зеленой луной.

Она часто вспоминала об этой встрече, но не рисковала снова познакомиться со Смертью на глаза. Ее гордость, надменная эльфийская гордость не позволяла Арафели признаться в том, что Смерть смущала ее и она откладывала идею о том, чтобы снова выйти к людям на следующее лето, а потом и на следующее... что значит время для того, кто помнит крохотными ростками вековые деревья? Но наконец она вернулась в этот лес рядом с Кер Веллом и снова была смущена быстротечностью человеческой жизни, ибо дитя стало гораздо выше, когда Арафель снова увидела его играющим на траве возле стен. Девочка уставилась на нее огромными детскими глазами, позабыв о кукле, лежавшей на коленях. Здесь снова были женщины, которые сидели кружком, разложив свои яркие юбки, а пальцы их снова были заняты вышивкой. Они болтали и смеялись резкими лукавыми голосами, не замечая гостей. Лишь девочка смотрела на нее серьезно и с интересом.

И Арафель, скрестив ноги, опустилась на землю, и девочка принесла ей венки из маргариток и показала, как загадывать желания. Они вместе смеялись, но потом спутницы девочки прибежали и увели ее прочь от леса, отругав.

Арафель приходила не каждый день и даже не каждый месяц. Иногда она была занята другими делами, но в эти дни она часто вспоминала людей и много пела, и была счастлива.

Но время у смертных тянется долго, и однажды, когда ее не было несколько месяцев, девочка села на своего пони и направилась в лес искать Арафель вдоль поросших ивами берегов Керберна.

Лесной сумрак становился все гуще, отсюда стоило бы уйти. Толстенный пони знал это и потому, сбросив девочку со спины, в ужасе убежал прочь. А Бранвин стряхнула с рук мокрые листья и сжала губы, чтобы те не дрожали, ибо то, что испугало пони, кряхтело и шепталось в кусте неподалеку.

Много незваных пришельцев хлынуло в Элвуд тем вечером – зазвенели рога и человеческие голоса, и нашли бедного пони с переломанной шеей. И Эвальд заехал глубже всех, движимый отчаянием и отцовской любовью... и группа под предводительством Скаги зашла так далеко, как можно было зайти, только стыдясь Эвальда и боясь гнева Скаги.

И Арафель пустилась на поиски, услышав крики и заметив вторжение. Она нашла девочку сжавшейся, как испуганная ланка, в дупле старого и ненадежного дерева, она вытерла ей слезы и разогнала мрак с прогалины.

– Ты пришла за мной? – спросила Арафель, и сердце ее потеплело от того, что наконец, после стольких лет, люди начали подавать какую-то надежду. – Пойдем, – сказала она Бранвин, желая взять ее туда, где детство длится долго, а жизнь еще дольше. Но девочку пугали иные виденья.

И вдруг вдалеке зазвенел голос отца, и выбор был предрешен – она откликнулась и бросилась к нему.

Арафель скользнула прочь и долго оставалась там. Может, ее мучил стыд за намерение украсть. И боль... наверно, более всего. И много миновало лет и праздников костров, и смертный Элд дичал, и Смерть своевольничала, пользуясь ее отсутствием.

Но когда сердце ее исцелилось, она снова вернулась. Она надеялась встретить девочку, как всегда, на окраине леса, но не нашла ее там... «Наверное, в такой яркий летний день Бран-

вин будет играть на склоне холма», – подумала Арафель, и, неугомонная, она подошла к самым стенам Кер Велла, обшитым горьким железом.

Там она и нашла Бранвин – на вершине башни, в закрытой нише, куда не мог проникнуть ветер.

Облик девочки изменился. Она стала молодой женщиной, облаченной во взрослое платье, которая с тревогой смотрела на Арафель и не могла вспомнить, поскольку уже позабыла о своих детских мечтах. Бранвин кормила здесь птиц, но рука ее замерла, полная крошек, а в глазах застыло изумление, ибо она не понимала, откуда взялась здесь ее гостья, и лишь видела, что она тут, – так на Арафель смотрело большинство смертных, если они вообще замечали ее.

– Ты помнишь меня? – спросила Арафель, огорченная этими переменами.

– Нет, – сказала Бранвин, наморщив нос и запрокинув голову, чтобы с ног до головы осмотреть свою гостью. – Ты бедна.

– Да, некоторым я кажусь такою.

– Ты просила милостыню у меня на дороге? Тебе не следовало приходить сюда.

– Нет, – терпеливо ответила Арафель. – Возможно, когда-то я казалась тебе другой.

– У наших ворот?

– Я никогда не просила милостыню. Я подарила тебе цветок.

Синие глаза моргнули, но память не возвращалась к ней.

– Я показывала тебе волшебство. И мы плели с тобой венки из маргариток, и я нашла тебя в лесу, когда ты потерялась.

– Неправда, – выдохнула Бранвин, сложив чашечкой ладони с крошками. – Я перестала верить в тебя.

– Так легко? – спросила Арафель.

– Мой пони умер.

То была ненависть. Она ранила. И Арафель застыла в изумлении.

– Мой отец и Скага привезли меня домой. И больше я никогда туда не ходила.

– А могла бы... если б захотела.

– Теперь я – женщина.

– Ты все еще помнишь, как меня зовут.

– Чертополох, – и Бранвин отодвинулась подальше от нее. – Но подружки детства уходят, когда девочки вырастают.

– Ну что ж, пусть будет так, – сказала Арафель.

И она начала исчезать. Но в последнем порыве отчаянной надежды она помедлила и произнесла заклинание, как когда-то делала раньше, посеребрив крылья прыгавшим вокруг птицам. Но Бранвин поспешно швырнула крошки, и птицы вспорхнули, борясь за них, и их сияние померкло в трепетанье крыльев. Она им бросила еще. Такие были чары у Бранвин – она приручала диких тварей, потворствуя их желаниям. Синие глаза цвета льна сузились и глядели недобро – Бранвин осознавала собственную власть и презирала все первозданное и дикое.

– Прощай, – сказала Арафель и отпустила ту силу, что позволяла ей оставаться так далеко от Элда.

Она растаяла, не желая более оставаться.

– Разве я не предупреждала тебя? – холодно спросила ее Смерть в следующий раз, когда пути их пересеклись. И тогда в гневе Арафель прогнала ее от себя, но не из леса, ибо она не благоволила к людям. Надежды, которые она возлагала на человечество, оказались тщетными и обернулись против нее же, ибо выросшее дитя, как и побеги в Новом лесу Смерти, укоренялось в этом мире, но не в ее.

Она соскользнула в безопасный и добрый свет своей луны, в тот Элд, который видела она, – лес, что никогда не знал увядания. Здесь листья серебрились в зеленоватом, юном сия-

нии луны, здесь воды пели, и птицы были свободными, и олени блуждали с такими глазами, в которых отражались все звезды ночи.

И в этом было ее утешение – в мечтах, в прогулках по любимому лесу и в сохранении того, что вечно оставалось неизменным, без всяких мыслей о человеке. А иногда летними ночами она выходила и видела, как смертный Элд все больше дичает и пустеет. Она не знала и не хотела знать о делах Смерти, но, судя по всему, они шли хорошо, и та успешно охотилась на души.

XI. Дун-на-Хейвин

Над каменными развалинами трепетали стяги, и дозорные костры полыхали во тьме, как звезды, по всей долине. Это была война. Она бушевала от Керберна до Бурых холмов и Эшфорда и обратно к югу, ибо призвал людей король Лаоклан, сын Руадри, чтобы предъявить права на замок своих предков, в каких бы руинах тот ни лежал.

И Эвальд конечно же явился. Он прибыл в первых рядах, выехал из Кердейла, чтобы предвосхитить наступление злейших врагов короля еще перед тем, как тот объявил о себе. Он пришел с сыном Скаги, Барком, и вооруженными воинами, и со многими крепкими сыновьями фермеров из долины – со всей силой, которую мог собрать. И с южных гор спустился Дру, сын Дру, с самым большим войском со времен Эшфорда. Поднялись и Лел, и Бан, как и ожидалось. Позже всего прибыли люди из Кер Донна, с горных вершин: их привел Киран. Против них собрались воины Дава и Ан Бега, и дикие люди Боглаха Тивака, и разбойничьи предводители Браххита и Лиэслина.

И война была долгой, долгой и кровопролитной, и Эвальд не видел в ней особой славы: о нем складывали песни, но он все больше и больше понимал Кервалена, ибо то, что другие воспевали как мужество, он помнил как грязь, страх, холод и голод. И все же он продолжал сражаться, а когда у него выдавалось время на размышления, он скучал по Мередифи, по своей дочери и родному очагу. Когда шли дожди, у него ныли суставы и старые раны. И большая часть войны заключалась в переходах и переездах, в переброске людей туда и сюда, в отражении врага в одном месте, чтобы он прорвался в другом, только что отвоеванном, и подверг все грабежам и пожарам, и снова приходилось укреплять границы и удерживать их, ибо в холмах было полно врагов, и нельзя было надеяться на безопасность.

И облик Дун-на-Хейвина переменялся – там горели костры, и неприятеля было так много, что он казался саранчой на земле, прижавшейся к холмам.

А потом произошло сражение, жестокое и долгое – с рассвета одного дня до вечера следующего, и черные птицы сгустились в небе, как до того дым. Но король одержал победу.

– С твоего позволения, – попросил в этот день король Дру, сын Дру, – я не оставлю их в покое.

– Ступай, – ответил король. Дру был бледен и забрызган кровью, как гончая, которую отвлекли от погони. – Не давай им передышки.

И Дру вскочил на лошадь и собрал своих людей, многие из них были пешими и привыкли двигаться, как тени, меж холмов.

– Если ты позволишь, я пойду с Дру, – сказал Эвальд. – Изменники из Ан Бега и Дава – старые враги моих владений, и у них еще есть силы. Большая часть людей со мной здесь, и если они сейчас нападут на Кер Велл...

– Мы ударим их сзади, – закончил король. – Мы пойдем за ними так быстро, как сможем. А сейчас пусть Дру гонит их вперед.

– Но Кер Велл... – промолвил Эвальд. И на душе у него помрачнело, когда он огляделся вокруг и увидел разорение и тучи птиц, соперничавшие с дымом в своей черноте. Негоже было спорить с королем Лаокланом – он был среднего роста, этот Лаоклан, светловолос и с бледно-голубыми холодными глазами, которые никогда не загорались огнем. Он пережил своих советников. Большую часть жизни они держали его на поводке, и он вырос спокойным и редко гневался. Даже в бою он убивал хладнокровно, в политике же был умен и непоколебим. И Эвальд повернулся и пошел прочь с тяжелой думой. Вероломство закралось в его душу, но завещание Кервалена удерживало Эвальда, дабы тот никогда не повторил поступков своего кровного отца. Но сейчас он был на грани того, чтобы собрать своих людей и ехать прочь,

несмотря на слово короля; и Барк, сын Скаги, поспешил к нему, заметив грозовые тучи в его глазах, устремленных на кровавое поле боя и разор, что творился там.

– Брат, – окликнул его король.

Эвальд остановился и повернулся, скрывая гнев.

– Да, мой господин.

– Я не хочу рассеивать своих людей, раскидывая их кого куда, кого сюда. И без моей на то воли ты не покинешь это место.

– Кер Велл был укрытием для твоего брата и крепостью, удерживавшей твоих врагов. Теперь он стоит на пути Ан Бега и Кер Дава, мешая им вернуться домой. Мой управляющий – отважный воин и мог бы сразиться с ними, но с ним осталось слишком мало людей. Я прочесал свои владения, отдав тебе всех и каждого, кто мог держать оружие в руках. Теперь угроза нависла над Кер Веллом, и что тебе в том, если Кер Велл падет? Ты потеряешь всю долину Керберна – и отвоевать ее будет непросто, господин король.

Но даже эта речь оставила короля бесстрастным.

– Не хочешь ли ты нарушить мой приказ, брат?

Эвальд задохнулся, и на мгновение разум покинул его. И поле, и король, и советники – все поплыло в кровавом тумане. Они стояли под разрушенными стенами Дун-на-Хейвина: черные птицы сидели на камнях. На поле уже начал возникать лагерь – ставили палатки, несколько ярких с зеленым и золотым, но больше грязно-коричневых – среди убитых и стонущих раненых. Люди уносили трупы, не забывая грабить их, чем могли помогали раненым, добивали безнадежных, а также павших врагов. Таков был закон королевской войны – эти звуки и вонь мешались в голове, и становилось сложно отделять достойные поступки от недостойных. Меч Эвальда был вложен в ножны, но рука его лежала на перекрестии; кровь затекла в его перчатку и засохла меж пальцев – и у него не было времени посмотреть, своя или чужая. Он думал лишь о своем доме, и взгляд его был мутен.

– Так ты подчинишься, – спросил король, – или нет?

– Королю известно, что я предан ему.

– Тогда пойдем. Обсудим наши планы, теперь же.

Эвальд задумался, не спуская глаз с Барка, юного сына Скаги. Барк подчинится ему и сделает это с радостью. И они станут послушниками короля, и тот отныне станет преследовать их по закону. Но если они взбунтуются, король, скорее всего, потерпит поражение, ибо с Эвальдом уйдет Дру, и южные горы вступят в союз с Ан Бегом и Кер Давом, пусть лишь на деле и никогда в душе. Наверное, и король почувствовал забрезжившую тень угрозы, ибо он дважды назвал его братом и говорил с учтивостью, обращаясь к нему. Лаоклан был хладнокровен, но и умен, несмотря на свою одержимость, с которой он усеял это поле мертвыми. И он знал, что нужно делать.

– Пойдем, – тихо сказал Эвальд Барку, и они пошли через поле, в котором, как камышины, раскачивались сломанные копья, торчащие из груди убитых, валялись клочья стягов Боглаха и Брахита и раздавались предсмертные стоны.

Королевскую палатку раскинули среди развалин Дун-на-Хейвина, во дворе, рядом со старым дубом, чудом пережившим пожар. Коля вбили меж растрескавшихся камней, которыми был вымощен двор, на границе участка, где когда-то зеленел сад. Здесь прежде жили голуби. Теперь же люди вспугнули лишь темнокрылых ворон. В эти владения и удалился король, собрав к себе всех военачальников.

Пока все собирались, Эвальд мрачно оглядывался, стараясь придумать что-нибудь, ибо он с большей радостью был бы сейчас последним копыеносцем у Дру в отряде, чем советником короля. С ним был лишь Барк и больше никого, ибо у него здесь не было родичей, кроме самого короля; короля, не желавшего помнить все мрачные перипетии истории и то, что пред-

шествовало этой войне. Здесь были Киран из Донна с сыновьями Донкадом и Кираном Каланом – странная, коварная семья. Пришел и Фергал из Бана со своими братьями – невысокими, темноволосыми кровожадными воинами, как Далах из Кер Лела. Все они были с севера, некоторые – из долин, но никто из них не имел кровных уз с югом.

Так против воли Эвальд вошел с ними в палатку, выжидая, пока слуги помогут Лаоклану снять доспехи и принесут им вина. Вино было кровавого цвета. Эвальд взял чашу, и вкус вина был также кроваво-соленым, с медным привкусом в дымном воздухе среди запаха пота, что пропитал их всех.

– Дру поскакал за ними, – сообщил король тем, кто пришел позже. – Он будет гнать их вперед, не давая ни мгновения отдыха.

– Я снова повторю, – начал Эвальд, но Лаоклан наградил его своим холодным, бесцветным взглядом.

– Ты уже много сказал. Ты испытываешь наше терпение.

– Я служу своему королю из владений, принадлежавших ему со времен моего отца.

– Со времен Кервалена, – тихо добавил король, словно это нуждалось в пояснениях, и краска залила лицо Эвальда.

– И твоего брата, господин, – ровным голосом напомнил Эвальд, поставил чашу и снял перчатку с руки. Чей-то меч или топор разрубил ее кожу. Кровь была его собственной. – Если ты соизволишь вспомнить. Я прошу твоего разрешения, нет, я умоляю о том, чтобы отправиться тотчас же и удержать долину Кера в твоих руках. Враг объединится со своими свежими силами. И Дру не справится с ними, если они соберут всех, кого могут, в своих владениях. Они снова окрепнут...

– Ты учишь меня военному делу?

Они были ровесниками, Эвальд и его король, рожденные почти в один и тот же год.

– Я знаю, мой господин заботится о многом. Поэтому я взял бы на себя такое небольшое дело.

– Так, может, мы все вернемся в свои владения? – спросил Фергал. – Два года ждали мы, чтоб встретиться с изменниками на этом поле, а теперь господин Эвальд предлагает нам снова разъехаться по своим замкам и каждому обороняться в одиночку.

– Это поле опустело, – ответил Эвальд. – Враг ушел, или ты не заметил этого, господин Бана? Мы сидим здесь, зализывая свои раны, а их раны будут исцелены, когда они встретятся с подкреплением и, удвоив силы, захватят Кер Велл. В своей полной мощи Кер Велл может выстоять дольше, чем у нас хватит сил осаждать его со всем Брадхитом у нас за спиной.

– Я не позволю никому разойтись, – сказал король. – Это может быть опаснее, чем вражеские мечи. И я не отпущу никого, кроме Дру. Его люди легко вооружены и приспособлены к ведению такой войны. Ты слишком многого опасаясь, брат. Твой управляющий – умелый воин, и у Кер Велла есть свои защитники. А если Ан Бег и замыслит возвращаться, то он пойдет на нас, а не на твои земли.

– По опыту мне известно иное об Ан Беге. Нет. Прости меня, господин король, но они знают, какова цена Кер Велла, и я знаю, что они сделают все, чтоб захватить его. Дру будет стараться, но они могут запереть его в холмах и наброситься на Кер Велл, не жалея сил. Мы ранили врага, но не убили его. А раненый зверь вдвойне опасен.

– Так что же, твой советник – страх? Нет, слушай меня. Я не позволю дробить свои силы. И не хочу более говорить об этом.

– Отправь нас, господин король, и, когда ты подойдешь к ним сзади, мы окружим их. Разделившись, мы объединимся снова над их трупами. Но стоит Кер Веллу пасть, и мы будем оставлять уже свои трупы на каждом шагу, сделанном нами в долине.

Бледное лицо короля так и не тронула краска, а взгляд его был холоден. Он поднял руку, увенчанную кольцом Старых Королей, и знаком призвал всех к молчанию.

– Ты слишком напорист и горяч. Но я не уступлю.

– Господин, – пробормотал Эвальд и, склонив голову и взяв свою чашу, отошел от короля к Барку, стоявшему в тени, ибо он не владел ни мыслями своими, ни языком сейчас. – Ступай, – шепнул он Барку, – возьми лошадь и отнеси им хотя бы весть о том, что произошло здесь.

– Я отнесу, – промолвил Барк, поклонился и уже почти вышел – будучи скорым на ногу, как и его отец.

– Верни своего человека, – приказал король. – Не выпускайте его!

И пики преградили выход.

– Барк! – поспешно крикнул Эвальд, зная, что было у того на уме. Барк замер на волосок от гибели и опустил руку, которая уже тянулась к мечу.

– Куда с такой поспешностью? – произнес король. – Позволю себе спросить.

Искушение солгать овладело Эвальдом. Но он справился с ним и прямо взглянул в глаза Лаоклану.

– Мои гонцы привыкли приходить и уходить свободно. Неужто врагу должно быть известно больше о происшедшем на этом поле, чем моим собственным людям?

Это было рискованно. Глаза короля были ледяными, какими становились в минуты сильнейшего гнева.

– Брат, – промолвил Лаоклан, – гонцов здесь посылаю я. Или ты не согласен?

– Тогда прошу тебя – пошли Барка, и побыстрее. Ему известна дорога.

– Разве не сказал я, что ни один человек не уйдет отсюда к себе домой? Ни господин Кер Велла, ни сын его управляющего, ни последний из его вассалов.

– Господин король, – промолвил Киран из Кер Донна. – Ан Бег и Дав вероломны, и не будет греха в том, чтобы послать гонца. Отъезд этого человека не породит слухов в лагере. Все поймут, по крайней мере люди Донна. Долина лежит у самых наших дверей, и, если Кер Велл падет, вернутся старые времена с пожарами и грабежами в холмах. Пусть гонец ободрит воинов Кер Велла и сообщит им, что мы на подходе, – ведь мы не быстры. И путь предстоит долгий. Что, если они отчаятся в Кер Велле?

– И ты вступил в наш спор, – нахмурившись, сказал король, ибо к Донну испытывал он особые чувства, даря его своими милостями. – Но люди Кер Велла не отчаятся. В конце концов, они будут защищать собственную жизнь. В чем в чем, а в этом на обитателей долин можно положиться.

– Господин, – промолвил Эвальд, загораясь гневом, – но защитники могут сделать ошибочный выбор, не надеясь на помощь, – мой народ отважен, но отвага может вести к безрассудству.

– Господин король, – раздался голос, еще не звучавший на совете – то был Киран Калан, младший сын Донна. – Ты поклялся, что никто из нас не вернется домой до окончания войны. Но Кер Велл – не мой дом. И я знаю холмы.

Хмурыми сделались лица его отца и брата Донкада. Но король повернулся к нему без гнева.

– Вот. Здесь все же есть человек, обладающий даром учтивости. И мне было бы жаль его потерять.

– Ты не потеряешь, – ответил юный Киран и рассмеялся – самый высокий из своей родни, светлее большинства и самый жизнерадостный. – Я частенько прочесывал эти холмы. И я спокойно миную их, если король меня отпустит, а может, и быстрее Барка, кто знает? Он не охотился в холмах, как я.

– Тогда ты отнесешь послание господина Эвальда, – сказал король. – Скажи ему, что хочешь передать, брат, и покончим с этим. Я сделал для тебя все, что мог.

И низкое подозрение зародилось тогда у Эвальда, что его двоюродный брат, король, побаивается его, побаивается гонцов и передаваемых тайн – боится своего родства с ним. То была

черная и недостойная мысль. За ней последовали и другие – столь же черные и недостойные. Но он отогнал их все прочь.

– Господин король, мой господин Донн, примите мою благодарность, – произнес Эвальд и снял кольцо с пальца. – Моего управляющего ты узнаешь по сходству с его сыном. Покажи ему вот это. Поговори с моей госпожой – это кольцо я посылаю ей. Расскажи ей, как обстоят дела. И какие бы слухи до них ни дошли, пусть держатся, скажи, что сзади на Ан Бег наступает армия короля.

– Господин, – ответил юный Киран, принимая кольцо. – Я так и поступлю.

– Это опасно, – добавил Эвальд.

– Да, – сказал Киран, и только это, да так тихо, что Эвальд тут же отогнал все свои подозрения относительно Донна.

– Скачи скорее, и да минуют тебя опасности, – от души промолвил Эвальд.

– С твоего позволения, господин король, – и Киран обнял своего отца, но брат его не стал с ним прощаться, отойдя под каким-то предлогом к дверям.

– Я – твой должник, – тихо добавил Эвальд. Гордость его была уязвлена, и гнев в нем все еще кипел, ибо это было меньше того, на что он рассчитывал. Его будоражило ужасное опасение, что король хочет перенести войну в долину, чтобы самому пока немного передохнуть, ибо та была слишком богата и слишком удобно расположена и принадлежала его сродственнику. Но это было слишком жестоко – даже думать об этом. Это было слишком расточительно. Он взглянул на юношу Кирана, столь же молодого и благородного, каким он сам когда-то был, и душа Эвальда полетела вслед за ним, когда тот вышел из палатки на свет угасающего дня. Но у Эвальда были раны, и впереди еще был королевский совет. Он коснулся плеча Барка, беззвучно прося того успокоиться, но рука Барка была жесткой и напряженной от сдерживаемой ярости.

И вот король стал совещаться с ними, как им нанести последний удар по Ан Бегу и Даву и Брахиту, а крики раненых и карканье ворон мешались в вечернем воздухе. Эвальд вздрогнул и прильнул к своей чаше. Он служил королю, как служил бы его отец, доведись ему дожить до этого дня; он служил ради матери и мало помышляя о себе.

– Они послали хорошего гонца, – тихо промолвил Барк, когда король распорядился принести еще вина. – Все славно отзываются о младшем сыне Донна.

– И я последую их примеру, – ответил Эвальд, – я стану хорошо говорить всем о Донне после этого.

Что до Кирана, то он немного помедлил с отъездом, выбрал себе лучшую лошадь и взял щит брата с изображенной на нем ущербной луной Донна, ибо его собственный был разбит.

– Будь осторожен, – напутствовал его брат Донкад, который был столь же темен, как Киран светел, менее высок и менее любим не только королем, но и собственным отцом.

– Буду, – с серьезностью пообещал Киран, проверяя сбрую и принимая флягу с вином, которую совал ему брат. – Это скрасит мне путь.

– Напрасно ты вызвался. Напрасно ты впутался в это.

– Это не шутка, – ответил Киран, – спасти долину.

– Он никогда не доверял долине. Никогда. Он сомневается в ней. Не забывай об этом.

– Я не забуду, – отозвался Киран, приторочивая щит к седлу вместе с провиантом, что принес ему слуга. Он и меч пристегнул к седлу и, повернувшись, обнял своего брата, и стоял так дольше, чем обычно при расставаниях. – Эвальд раздражает короля. Но это не значит, что он ненадежен, – такого человека нельзя терять... Береги себя, Донкад.

– И ты, – сказал ему брат, не выпуская его из объятий. – Ты слишком легкомыслен. Как всегда.

– А ты слишком все усложняешь. Чем это отличается от простой поездки в те же холмы, когда враг так далеко впереди? Мне больше следует опасаться Дру – не хотелось бы, чтоб он

принял меня за какого-нибудь дикаря из Брахита. Береги себя. Увидимся в Кер Велле, а пока я буду есть на серебре и спать в мягкой постели, ты будешь зябнуть от утренней росы, Донкад.

– Не говори о сне.

– А ты полон предзнаменований. Мне будет лучше, чем тебе, и тебе перед стенами замка предстоит тревог больше, чем мне за ними. Только приходи поскорее, и мы прогоним негодяев на север и покончим с ними. Не печалься, Донкад.

С этими словами Киран вскочил в седло и тронулся в путь, выбрав сначала длинную дорогу, где было меньше тел умерших и умирающих. Дым костров окутывал холмы – лагерных костров и тех, что полыхали в ямах, куда стаскивали погибших.

То был неблагоприятный час. Киран бы с радостью остался. Но он служил королю и жил ради этого, хотя он знал, что другие поступают иначе. И потому он должен был последовать за Дру через холмы, стараясь не попасть в засаду – ни вражескую, ни своих же соратников.

Теперь он уже не тратил времени на объезды. По правде, не так уж легкомысленно он относился к делу, как уверял Донкада, но он считал, что задержка армии в Дун-на-Хейвине губительна в той же степени, что и возможное падение Кер Велла. Лаоклан совершал двойную ошибку – задержавшись слишком долго на поле и отказываясь от половины того, что они отвоюевали; к тому же долина располагалась слишком близко от Донна. Теперь все зашевелилось, и король готов был тронуться. Киран надеялся, что сам он – лишь первый камешек перед оползнем, ибо теперь Донн не оставит короля в покое. И он надеялся, что его миссия запомнится надолго, ибо он ехал провозгласить не только битву за долину, но и то, что со временем может оказаться решающим сражением всех этих долгих лет войны.

ХII. Дела Кирана Калана

Поездка от Дун-на-Хейвина через холмы оказалась не таким уж быстрым делом. Лишь раз Киран повстречал людей Дру, и ему повезло, ибо южане были скоры на руку и легки на расправу. Временами он догадывался об их присутствии по молчанию птиц там, где они должны были петь, и по странному духу, витавшему вокруг, названия которому он не знал. Но наконец он обогнал отряд Дру и понял, что миновал уже самый отдаленный его восточный авангард, ибо Дру шел прямо на север, к Керберну, вслед за неприятелем, в то время как путь Кирана лежал в глубь лесов.

Наконец он достиг реки и переправился через нее, предпочтя неизведанность дальнего берега дурной репутации южного. Он был в седле так долго, что уже забыл, когда отдыхал – да и отдыхал он, лишь чтобы не загнать лошадь, и как мог скоро снова возвращался в седло, недосыпая и мучаясь от тяжести доспехов и ран, полученных во время битвы. Теперь он ехал, держа щит на руке, не доверяя темному лесному пути через долину Керберна. А он уже был в долине. Здесь не было друзей. Теперь он оглядывался не потому, что надеялся увидеть людей Дру. Это был самый мрачный и опасный участок его пути. Киран рассчитал так, чтоб миновать Ан Бег во тьме, и надеялся, что ориентируется достаточно хорошо для этого.

День угасал, и временами лошадь замирала на узкой тропе, бежавшей через скалы и лес вдоль черных потоков Керберна, который несся и брызгался в быстринах и на отмелях, закипая белой пеной в сгущавшихся сумерках. Растительность была здесь слишком густой, пусть она и давала Кирану укрытие. Но он ехал верхом и предпочел бы заросли не столь дремучие, как эта чаща, через которую его лошади приходилось продираться, рискуя на каждом шагу. А меньше всего ему нравились шепотки, наполнявшие сумерки, шорох совсем не лошадиных копыт и легкие движения на краю зрения, которые, конечно, мог вызывать и ветер – но казалось, будто это нечто иное. С этим лесом были связаны мрачные легенды, и людям Кирана в холмах, в Кер Донне, эти легенды не нравились. Ибо они все еще опасались древних сил в местах, где высились разрушенные башни, а из дрока и раkitника выступали странные камни, напоминая о вещах, что были старше богов, были столь же древними, как сам камень, и, как камни, были рассеяны повсюду. В родных холмах Кирана были места, куда он не отважился бы ехать в сумерки ни за что, и имена они носили такие, что их не упоминали ни темной ночью, ни ясным днем. Здесь и сейчас он ощущал схожий ужас. Лошадь, загнанная и в мыле, вскидывала голову и косила глазом, всматриваясь то в эту тень, то в ту и раздувая ноздри. Но она шла ровным шагом, где могла, – прерывистый скрип кожи, лязг металла да цокот копыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.